

Светлана Дроздова

**Легенда о
Зеркальном
Королевстве.
Книга 10**

Светлана Дроздова

**Легенда о Зеркальном
Королевстве. Книга 10**

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Легенда о Зеркальном Королевстве. Книга 10 / С. В. Дроздова —
«Автор», 2026

В мире, разрушенном войной и магией, бывший раб Эйнар, получивший прозвище «Пустой», ведёт отряд «Серых Волков» в борьбе против тирана Корвуса. Преследуя врага, Эйнар сталкивается с тёмной сущностью внутри себя, платой за победу у Трона Призраков. Вместе с целительницей Ирис, которая открывает в себе дар воскрешения, и верными соратниками — Ворном, Лис и умирающим от скверны братом Рагнаром — он проходит через разрушенные города, сражается с магией зеркал и механическими монстрами. После череды жестоких битв Корвус оказывается в плену. Но даже в клетке он продолжает манипулировать Эйнаром, напоминая о их мистической связи. Психологическое давление и потеря брата толкают Пустого на грань безумия. Финальная дуэль становится не просто битвой за мир, а борьбой за собственную душу. Эйнару предстоит сделать выбор: поддаться тьме и стать новым тираном или сломать врага, сохранив в себе человека. Роман о цене героизма, дисциплине как оружию выживания и любви.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Легенда о Зеркальном Королевстве. Книга 10

Глава 61. Проблема с дисциплиной

I

Рассвет в лагере союзников был серым и холодным, как остывшая зола в очаге. Небо, затянутое низкими облаками, не обещало ни тепла, ни света — лишь ещё один день, который нужно было прожить и пережить. Эйнар проснулся от того, что не мог дышать. Не потому, что кто-то сжимал его горло, и не от скверны, поднявшейся к лёгким, — просто в воздухе было слишком много пыли. Серой, маслянистой, почти живой. Она осела на лицо, на губы, на веки, и когда он открыл глаза, мир перед ним был мутным и размытым.

Он лежал на спине, глядя в это безразличное небо. Ветер дул с севера, пахнувший снегом и мёрзлой землёй, но он не разгонял пыль — только перегонял её с места на место, заставляя танцевать в воздухе бесконечный, унылый вальс. Эйнар не знал, сколько времени прошло с тех пор, как они водрузили знамя над цитаделью. Может быть, час. Может быть, три. А может быть, вся ночь. Время в этом новом мире измерялось не часами, а ударами сердца и глубиной вдоха.

Правая рука всё ещё сжимала стальной меч Рагнара. Пальцы онемели — не от скверны, а от того, что слишком долго держали рукоять. Он разжал их с усилием, и суставы хрустнули, как сухие ветки под ногами. Ладонь была красной, потрескавшейся, с глубокими следами от намотки рукояти. Он посмотрел на меч — сталь была чистой. Ни крови Корвуса, ни пыли разрушенных стен. Меч не помнил. И это было хорошо.

Левая культя молчала. Не пульсировала, не болела, не светилась зловещим светом скверны. Она была просто культей. Просто шрамом. Просто концом того, что когда-то было рукой. Ирис сказала бы, что это плохой знак — что скверна поднялась выше плеча и начала выжигать память изнутри. Но Ирис спала в их общем шатре, свернувшись калачиком под ворохом шкур, и её дыхание было ровным и спокойным. А он лежал здесь, у входа в руины поверженной твердыни, и смотрел на серое небо.

Он сел. Медленно, осторожно, проверяя, слушается ли тело. Позвоночник хрустнул, колени заныли. Рана на плече, полученная в последней схватке с командиром гарнизона (тот был силён, как бык, и дрался с отчаянием загнанного зверя), отозвалась тупой, ноющей болью. Не смертельной — противной. Края её были чёрными и маслянистыми, как у всех ран, которые наносили тени или скверна. Скверна была внутри неё, но не распространялась — просто жила там затаившейся змеей.

Он поднялся на ноги. Ноги не дрожали. Спина не болела. Он чувствовал себя странно — не отдохнувшим и не бодрым, а каким-то... пустым. Не той пустотой, которая звала и тянула из зеркал. Другой. Пустотой человека, который только что закончил большое дело и теперь не знает, что делать дальше.

Эйнар обернулся и посмотрел на цитадель Корвуса за своей спиной — и не узнал её.

Ворота были распахнуты настежь, но не в привычном смысле — они просто перестали быть воротами. Камень арки стал серым и пористым, сыплющимся от одного прикосновения. Чёрный маслянистый блеск исчез, уступив место матовой безжизненной поверхности. Башни покосились. Одно из окон обвалилось внутрь цитадели. Крепость умерла. Не тогда, когда взорвался трон — тогда она только начала умирать. А теперь она была мертва окончательно.

Эйнар пошёл к лагерю. Не спеша, не оглядываясь. Сапоги хлюпали в серой жиже — остатках трона и пыли Стекла.

Лагерь проснулся. Из палаток вылезали «Волки» — бледные, уставшие от бесконечного похода и недавней резни у стен цитадели. Кто-то чистил оружие с методичностью человека, который боится остановиться и подумать о том, что он только что сделал. Кто-то перевязывал раны грязными тряпками. Костры догорели — дров не осталось после штурма леса у подножия крепости, — и люди жались друг к другу у тлеющих углей.

Ирис сидела у повозки с ранеными ещё до того, как Эйнар подошёл к ней. Её лицо было бледным до прозрачности; под глазами залегли тени — не те обычные тени усталости, а глубокие чёрные провалы. Она не спала всю ночь: слишком много раненых со скверной в крови требовали её внимания.

Она кашлянула — сухо, рвано. Дым от пожарищ забился в лёгкие намертво.

— Ты жив? — спросила она тихо.

Её голос прозвучал как молитва в этой утренней тишине.

Эйнар не ответил словами. Только кивнул — один раз, коротко и резко.

И этого было достаточно.

II

Проблема назревала давно, как гнойник под старой повязкой. Эйнар видел это по глазам новобранцев из числа бывших пленных Корвуса. Их было около трёх десятков человек — тех самых солдат гарнизона или крестьянских ополченцев из нейтральных Доменов, которых они освободили из клеток под крепостью.

Вчера они ликовали вместе со всеми над трупом Корвуса (Эйнар сломал ему нос перед тем, как бросить в клетку для всеобщего обозрения). Они пили кислое вино из трофейных погребов и орали песни так же громко, как ветераны-«Волки». Но сегодня наступило похмелье похлеще любого винного.

Эйнар сидел на поваленном бревне у своего шатра и точил меч Рагнара оселком из трофейного набора кузнеца. Звук был монотонным: «шшшш-вжик», «шшшш-вжик». Этот звук успокаивал его лучше любой тишины.

Ворн подошёл к нему первым. Старый воин выглядел мрачнее тучи.

— У нас проблемы с «новенькими», — буркнул он без предисловий.

— Я знаю.

— Они считают себя героями дня. Считают, что теперь им все должны.

— Я знаю.

Ворн сплюнул себе под ноги вязкую слюну цвета ржавчины:

— Они говорят о дележе добычи прямо сейчас. Говорят о том... — Ворн понизил голос до шёпота: — ...что ты слишком много берёшь себе на прокорм «старой гвардии». Говорят о том...

— ...что я ничем не лучше Корвуса? — закончил за него Эйнар спокойно.

Ворн дёрнул щекой:

— Да.

Эйнар отложил меч и оселок на кусок кожи рядом с собой. Посмотрел Ворну прямо в глаза:

— Если мы дадим им волю сейчас... если покажем слабость... завтра половина армии разбежится с припасами или перережет нас во сне ради пары золотых монет в казне Корвуса. Армия держится на страхе перед командиром больше, чем на верности знамени.

— Я знаю это! — рыкнул Ворн раздражённо. — Я просто говорю тебе то дерьмо, которое они несут за моей спиной!

— Ты правильно делаешь, что говоришь мне это сейчас. Пока это слова за спиной.

Слова стали делом через час после того, как солнце окончательно выбралось из-за горизонта (если эту бледную желтизну можно было назвать солнцем).

Крики раздались со стороны складов провизии — длинных навесов из грубых досок и парусины на южной окраине лагеря. Сначала это был просто шум возни и недовольное ворчание нескольких голосов:

— Да тут одна плесень!

— Жри давай! Что дали!

— А ты кто такой? Начальник над помоями?

А затем раздался звук удара дерева о дерево и чей-то болезненный вскрик. «Волк»-часовой упал от толчка в грудь на штабель ящиков.

Эйнар услышал шум одновременно с Ирис и Лис (которая вернулась из утреннего обхода периметра). Он поднялся одним плавным движением тела — годы войны научили его двигаться бесшумно даже в полном доспехе (который он так и не снял со вчерашнего штурма).

Картина была ясна как день: трое новобранцев пытались вынести через задний выход тяжёлый мешок с зерном (или тем, что походило на зерно), а четвёртый стоял «на шухере». Часовой попытался их остановить словами («Стойте! Это провиант для всего отряда!»), за что получил тычок кулаком под рёбра от самого рослого из мародёров — парня лет двадцати с копной рыжих волос и наглыми водянистыми глазами.

Рыжий уже развернулся к упавшему часовому с явным намерением добавить сапогом по лицу (чего Эйнар допустить не мог), когда тяжёлая рука Ворна легла ему на плечо сзади и развернула лицом к себе.

— Куда-то собрался? — голос Ворна был похож на скрежет камней друг о друга под водой мельничного колеса.

Рыжий оскалился:

— А ты кто? Папочка? Мы своё заслужили! Мы кровь проливали!

Ворн молча ударил его тыльной стороной ладони по лицу так сильно, что рыжий отлетел назад и рухнул прямо к ногам Эйнара.

Наступила тишина. Все замерли: мародёры с мешком зерна в руках (ткань опасно затрепала), часовой у ящиков (держась за бок), Лис у края навеса (сжимая нож) и десяток случайных свидетелей из числа таких же бывших пленных или свободных ополченцев из Домена Щита.

Эйнар посмотрел вниз на парня у своих ног. Тот был напуган до смерти — это читалось в его расширенных зрачках и дрожащих губах, — но изо всех сил пытался скрыть это за маской дерзости.

— Встать! — голос Эйнара прозвучал негромко, но услышали его все вокруг так отчётливо, будто он кричал им прямо в уши через боевой рог.

Рыжий медленно поднялся на ноги. Он был выше Эйнара почти на голову и шире в плечах раза в полтора (сплошные мышцы от тяжёлой работы или хорошей кормёжки), но сейчас эта масса мышц казалась бесполезной грудой мяса перед холодной яростью командира «Волков».

Эйнар подошёл к нему вплотную, так близко, что их носы почти соприкасались.

— Имя?

Парень сглотнул:

— Кнуд... Кнуд, сын Свейна...

— Ты знаешь устав армии?

Кнуд дёрнул подбородком:

— Я... я только вчера записался...

Эйнар кивнул так медленно и страшно, что рыжий побледнел ещё сильнее:

— Это не оправдание для мародёрства во время военного похода перед лицом врага...

Кнуд, сын Свейна. Это преступление карается смертью по законам военного времени любого Домена или вольного отряда.

Он обвёл тяжёлым взглядом остальных троих мародёров:

— Вас это тоже касается.

Один из них — тощий парень с бегаящими глазами — выронил свой угол мешка:

— Но мы же... мы же просто хотели есть! Нас кормят помоями! А мы вчера штурмовали стены!

Эйнар перевёл взгляд на него:

— Вы штурмуете стены по моему приказу за долю добычи после победы над общим врагом или за жалование от Дома-нанимателя согласно договору о найме. Вы не штурмуете стены ради права грабить собственные склады до того, как армия получит свою законную долю при дележке казны врага после завершения кампании.

Он снова посмотрел на Кнуда:

— Ты ударил часового при исполнении обязанностей?

Кнуд открыл рот для ответа («Да он сам упал!»), но Эйнар остановил его жестом руки:

— Молчи. Твоё слово теперь ничего не стоит здесь... Ворн!

Ворн шагнул вперёд:

— Да?

— Собери военный совет здесь же через десять минут. Всех командиров группировок: тебя, меня... Ирис должна присутствовать как лекарь для осмотра раненых при задержании... И Лис пусть будет свидетелем разведанных о настроениях в лагере среди новобранцев.

Ворн кивнул своей тяжёлой головой:

— Будет сделано.

Эйнар снова посмотрел на Кнуда:

— До решения совета вы все находитесь под арестом у своих палаток без права общения с другими бойцами отряда под страхом смерти для тех, кто нарушит приказ о тишине... Увести их!

III

Совет собрался быстро под тем самым навесом складов провизии — символичное место для суда над теми, кто посягнул на общее достояние армии. Скамеек не было; Эйнар стоял в центре полукруга, образованного Ворном, Лис, Рагнаром (который пришёл, опираясь на меч) и Ирис, которая выглядела так, словно вот-вот упадёт от усталости, но держала спину прямо из чистого упрямства.

Новобранцев привели связанными; их лица выражали смесь страха, злости и отчаянной надежды, что их всё-таки простят, ведь они «свои», они «тоже воевали».

Эйнар начал без предисловий:

— Мы судим Кнуда, сына Свейна, Торбьёрнсона, Торкельссона... за мародёрство, покушение на провиант армии во время военного похода, нападение на часового при исполнении обязанностей, неподчинение прямому приказу командира отряда...

Он сделал паузу, обводя взглядом лица присутствующих, затем посмотрел прямо в глаза Кнуду, который пытался выглядеть дерзко, но получалось плохо:

— ...и попытку подрыва дисциплины, которая является единственным залогом выживания нашей армии против остатков сил Корвуса, которые наверняка перегруппировываются где-то севернее перевалов, пока мы здесь делим зерно, которое должно кормить раненых детей Домена Щита, которых мы поклялись защищать, вступая в этот союз!

Кнуд вспыхнул, словно его ударили хлыстом по лицу:

— Да ты сам-то кто такой?! Ты думаешь, ты король?! Ты думаешь, мы пришли сюда, чтобы слушать твои нотации?! Мы были рабами у Корвуса! А теперь мы рабы у тебя?! Мы проливали кровь! Почему мы должны голодать, пока твои «Волки» жрут мясо?!

Рагнар шагнул вперёд; его лицо было бледным, левая рука висела плетью, но правая сжимала меч так, что побелели костяшки:

— Заткнись, щенок! Ты говоришь о крови?! Ты видел, как умирают твои братья?! Как их кишки вываливаются наружу?! Как они кричат, зовя мать?! Ты проливал кровь?! Ты стоял в первой шеренге, когда баллисты били картечью?! Ты прикрывал спину тому, кто рядом?! Или ты прятался за чужими спинами, пока другие делали работу?!

Кнуд побледнел, но отступать было некуда — за его спиной стояли конвоиры-«Волки».

Эйнар поднял руку, останавливая Рагнара, который готов был броситься на парня с мечом, несмотря на свои раны:

— Достаточно, брат... Пусть говорит, если хочет сказать ещё что-то глупое, чтобы мы все услышали, насколько глубоко гниль проникла в наши ряды...

Он снова повернулся к Кнуду; его голос стал тише, но от этого звучал ещё страшнее, чем крик Рагнара:

— Ты прав в одном, Кнуд, сын Свейна... Я не король... Я Зеркальный Пророк. Пустой человек без руки, который ведёт армию, потому что больше некому вести её к победе или к смерти... Но я знаю одно: армия, которая начинает жрать сама себя, умирает быстрее, чем та, которую убивает враг... Дисциплина — это не прихоть тирана, это броня, которая защищает нас всех... Если я прощу тебя сегодня, завтра половина этого лагеря сбежит с казной, а вторая половина перережет первую ради этой казны, а потом придёт враг, который добьёт выживших...

Он сделал паузу, глядя прямо в глаза парню, который уже дрожал всем телом, понимая, что говорит уже не командир, а палач:

— ...Поэтому приговор окончательный, обжалованию не подлежит... За преступления против единства армии ты, Кнуд, сын Свейна, приговариваешься к смерти через честный бой до первого удара, который станет смертельным...

Кнуд открыл рот, но оттуда вырвался только хриплый стон ужаса: он понял, что это значит...

IV

Ирис вздрогнула так, словно её ударили ножом в живот. Она сделала шаг вперёд; её лицо стало белым как мел, а глаза расширились до невозможных пределов. Она смотрела то на Эйнара, то на дрожащего Кнуда, который уже начал оседать на землю, удерживаемый лишь конвоирами.

— Нет, Эйнар! Нет! Ты не можешь этого сделать! Это убийство! Это варварство! Мы же люди, а не звери! Можно же наказать иначе: порка, лишение доли добычи, изгнание, наконец!

Её голос сорвался на крик; она почти кричала, ей было плевать, что она женщина или лекарь, — сейчас она была просто человеком, который видел несправедливость, которую нельзя стерпеть.

Эйнар медленно повернул голову к ней. Его лицо было каменной маской усталости, прорезанной глубокими морщинами. В глазах цвета зимнего неба не было ни капли жалости — только холодная сталь решимости.

— Это война, Ирис. Это не лекция по этике в школе целителей Терновой Гривы. Здесь нет места милосердию к тем, кто разрушает единство армии изнутри. Это не убийство. Это правосудие. Быстрая смерть вместо медленной гибели всего отряда от голода или удара кинжалом в спину ночью...

Он сделал паузу; его взгляд смягчился самую малость, но голос остался твёрдым, как обсидиановый клинок, которым он когда-то убил своё отражение:

— ...Я знаю, что тебе больно видеть это. Но если я дрогну сейчас, если покажу слабость, завтра сбежит половина армии с припасами, а вторая половина перережет первую ради этих припасов. А потом придёт враг, который добьёт выживших. Я должен быть жестоким, чтобы защитить тех, кто слабее. Чтобы защитить тебя, Ирис. Чтобы защитить раненых детей, которых мы поклялись спасти. Ты понимаешь меня?

Ирис смотрела на него. Она видела перед собой не любимого мужчину, которого обнимала ночью у костра. Она видела командира. Зеркального Пророка. Человека, который принял решение, которое сломает ему душу, но спасёт тысячи жизней. Она понимала его умом. Понимала логику. Понимала необходимость. Но её сердце кричало от боли. Оно отказывалось принимать эту жестокую правду.

Она отступила на шаг, словно боясь заразиться этой холодной решимостью. Её губы дрожали; она хотела сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Она лишь покачала головой, развернулась и почти побежала прочь от навеса, прочь от этого страшного судилища.

Лис проводила её взглядом своим единственным острым глазом. В этом взгляде не было сочувствия — только холодное понимание разведчика, который знает цену каждого решения командира. Она посмотрела на Эйнара; тот стоял неподвижно, глядя вслед уходящей Ирис. Его лицо окаменело ещё сильнее, превратившись в маску древнего идола, которому приносят кровавые жертвы.

V

Ирис забежала в свой шатёр, который они делили с Эйнаром. Шатёр пропах травами, потом, металлом и той сладковатой гнилью, которая всегда сопровождает полевой госпиталь. Она упала на колени у своей лежанки, закрыла лицо руками, но слёз не было. Внутри была пустота — чёрная дыра, которая засасывала все эмоции, оставляя лишь звенящую тишину.

Она слышала шаги снаружи: тяжёлые, уверенные шаги человека, который привык, чтобы ему подчинялись. Шаги остановились у входа; полог откинулся внутрь, впуская холодный утренний воздух, впуская тень Эйнара. Он вошёл внутрь, но остановился у порога, не делая попытки подойти ближе.

Они молчали. Долго. Так долго, что время перестало существовать для них обоих. Наконец Ирис подняла голову. Её глаза были сухими, но полными такой боли, какой Эйнар никогда раньше не видел, даже когда она лечила самые страшные раны скверны.

— Как ты можешь? Как ты можешь называть это правосудием? Это казнь, Эйнар! Казнь безоружного мальчишки, который просто хотел есть!

Её голос дрожал; она говорила тихо, почти шёпотом, но каждое слово било сильнее пощёчины.

Эйнар смотрел на неё. Он хотел подойти, обнять, сказать, что всё будет хорошо. Но он знал, что сейчас эти слова будут ложью. Он остался стоять, где стоял; его левая культия была прижата к боку, словно защищая то место, где раньше билось сердце, которое он оставил там, у трона призраков.

— Он ударил часового, Ирис. Он пытался украсть еду, предназначенную для раненых детей. Он нарушил присягу, которую дал, вступая в наш отряд вчера утром. Если я прощу его, я предам каждого, кто доверил мне свою жизнь, каждого, кто истекает кровью сейчас под твоими бинтами. Я предам тебя. Потому что если завтра эти «мальчишки» решат, что им мало золота, они придут за тобой. Чтобы забрать твои лекарства. Чтобы забрать твою жизнь. Потому что они решат, что имеют право решать, кому жить, а кому нет...

Его голос был ровным, спокойным голосом человека, который заглянул в бездну слишком много раз, чтобы бояться её взгляда.

Ирис смотрела на него снизу вверх. Она видела перед собой чудовище. Прекрасное, холодное чудовище, которое она любила, которое спасало жизни, но которое сейчас приговорило человека к смерти ради призрачной дисциплины. Она видела перед собой тирана. Тирана, который был прав во всём.

Она встала. Её шатало от усталости, но ярость придавала ей сил. Она подошла к нему вплотную, так близко, что могла бы коснуться его груди рукой. Она смотрела ему прямо в глаза снизу вверх, потому что он был выше ростом.

— Ты превращаешься в него, Эйнар. В Корвуса. Ты становишься тем, кого мы ненавидели. Тем, кого мы убивали. Ты говоришь его словами. Ты судишь его судом. Ты думаешь страхом тирана!

Она почти кричала; ей было плевать, услышат ли их снаружи. Ей нужно было выплеснуть эту боль, этот ужас, это разочарование, которое разрывало её изнутри.

Эйнар не отвёл взгляда. Он смотрел ей прямо в глаза. В этих серых глазах цвета зимнего неба отражалась вся боль мира. Но там была ещё одна вещь. Решимость. Та самая решимость, которая заставляла его идти вперёд, когда другие падали. Та решимость, которая делала его лидером, а не просто хорошим мечником.

Он медленно поднял руку. Его ладонь была огромной, мозолистой рукой воина. Он протянул руку, чтобы коснуться её щеки, чтобы стереть невидимую слезу или просто чтобы успокоить. Но Ирис дёрнулась назад, словно боясь этого прикосновения. Словно боясь, что оно обожжёт её или отравит.

Её реакция была красноречивее любых слов. Эйнар опустил руку. Его лицо стало ещё более непроницаемым, если такое вообще было возможно. Он кивнул сам себе, словно получив подтверждение каким-то своим страшным мыслям.

VI

Совет ждал снаружи. Шатёр командира стал местом изоляции, местом, где рушился мир двух людей, которые думали, что смогут совместить любовь и войну. Но война всегда побеждает. Она требует жертв. И иногда эти жертвы — это части твоей души, которые ты оставляешь гнить у обочины дороги, по которой идёшь к победе.

Когда Эйнар вышел наружу один, его лицо было маской. Полковник Ворн, стоявший ближе всех, увидел эту маску и понял всё без слов. Он прочёл приговор по опущенным плечам своего друга, по тому, как тот избегал смотреть кому-либо в глаза.

Лис стояла чуть поодаль, прислонившись плечом к опорному столбу навеса. Её единственный глаз сканировал периметр лагеря, но краем зрения она следила за происходящим. Она видела, как вышла Ирис через несколько минут после Эйнара. Видела, как та пошла прочь от центра лагеря туда, где начинались ряды палаток новобранцев. Лис знала, куда она идёт. Знала зачем. И она знала, чем это закончится.

Рагнар тяжело опёрся на свой меч. Его левая рука висела плетью. Скверна поднималась выше локтя, выше плеча. Он знал, что скоро она дойдёт до сердца. Скоро он забудет своё имя. Скоро он станет пустотой. Но сейчас он был здесь. Он был нужен здесь, чтобы поддержать брата. Не физически — морально. Чтобы показать новобранцам, что старые волки стоят за своим вожаком до конца. Что этот суд — это не прихоть сумасшедшего, а необходимость, продиктованная выживанием стаи.

Эйнар встал в центре круга, образованного командирами группировок. Ветераны стояли плотным кольцом. Новобранцы, которых привели смотреть (и учиться), толпились чуть дальше. Лис видела их лица. Одни смотрели со страхом. Другие — с вызовом. Третьи — с тупым равнодушием людей, которые просто хотят, чтобы всё поскорее закончилось.

Кнуда вывели вперёд. Его развязали. Конвоиры отошли назад, оставив его одного перед лицом смерти. Перед лицом своего командира. Перед лицом своих товарищей, которые теперь были лишь зрителями кровавого спектакля. Парень дрожал. Крупная дрожь била его тело. Он пытался держаться прямо, пытался сохранить остатки достоинства, но получалось плохо. Его колени подгибались, губы посинели от холода или страха. Глаза бегали, ища спасения, ища лазейку, ища милосердия, которого здесь не было.

Эйнар посмотрел на него сверху вниз. В этом взгляде не было ненависти. Только бесконечная усталость человека, которому приходится делать грязную работу, которую никто другой сделать не сможет.

VII

Лис видела сотни смертей. Она убивала сама. Она видела, как умирают друзья. Как умирают враги. Как умирают случайные люди, оказавшиеся не в том месте и не в то время. Но эта сцена отличалась от других. Здесь смерть была публичной. Здесь смерть была показательной казнью. И Лис понимала, зачем это нужно. Понимала лучше, чем кто-либо другой, кроме самого Эйнара. Понимала, потому что умела читать людей. Видеть их мысли. Видеть их страхи. Видеть ту черту, которую нельзя переступать, если хочешь остаться человеком, а не зверем.

Она видела, как Кнуд, сын Свейна, пытается найти глазами кого-то знакомого. Кого-то, кто поможет. Кто скажет слово. Кто остановит этот кошмар. Но вокруг были лишь чужие лица. Закрытые маски равнодушия, страха или злорадства. Те, кто вчера пил с ним, теперь отводили взгляды. Те, кто вчера называл другом, теперь ждали, когда он умрёт, чтобы занять его место у общего костра. Такова была правда войны. Такова была цена выживания стаи. Лис знала эту цену. Платила её сама много раз. Платила памятью. Платила слезами, которых уже давно не осталось. Платила кусочками своей души, которые отслаивались каждый раз, когда приходилось делать выбор между плохим и очень плохим решением.

Эйнар отстегнул свой пояс с мечом Рагнара. Он отдал его Ворну. Тот принял оружие молча, кивнув. Тяжёлый стальной клинок лёг в руки старого воина, словно возвращаясь домой. Эйнар остался стоять перед Кнудом, вооружённый лишь своей левой культёй. Обсидианового протеза больше не было. Он сорвал его сам там, у трона призраков. Теперь там был лишь шрам. Чёрный, маслянистый шрам, который иногда пульсировал тупой болью, напоминая о цене победы, которую пришлось заплатить.

Кнуд смотрел на культю. Командир был безоружен. Перед ним стоял калека. Без правой руки. Без протеза. Казалось бы, лёгкая добыча. Казалось бы, шанс. Но никто из толпы, даже самый пьяный или самый глупый новобранец, не посмел бы сделать ставку против Пустого. Потому что все знали: Пустой убивал одной левой рукой. Убивал обсидиановым осколком. Убивал хитростью. Убивал волей. Убивал именем, которое наводило ужас даже на тени Корвуса.

VIII

Ирис нашла то, что искала. Палатка Лиры стояла чуть особняком. Лира была там. Она сидела, прислонившись спиной к центральному шесту, укутавшись в шерстяной плащ. Её единственный глаз был закрыт, но она почувствовала присутствие подруги. Услышала её шаги. Услышала, как рвётся ткань тишины, которую она пыталась соткать вокруг себя, чтобы спрятаться от мира, этого жестокого мира, который только что сломал человека, которого она любила. Или думала, что любила. Или хотела любить вопреки всему, вопреки логике, вопреки войне, которая всегда побеждает чувства.

Лира открыла глаз. Тёмный, глубокий глаз с красными прожилками усталости. Она посмотрела на Ирис. В этом взгляде было понимание. Спокойное, холодное понимание развед-

чика, который видит дальше, чем обычный человек. Видит суть вещей. Видит неизбежность того пути, по которому они идут. Видит ту стену, о которую разобьётся любая лодка любви, плывущая по реке крови, которую они все вместе создали своими руками, своими мечами, своими решениями.

Ирис упала рядом с ней. Не села — именно упала, как падает подрубленное дерево. Как падает человек, чьи ноги больше не держат вес собственного тела. Она уткнулась лицом в плечо Лире. И впервые за долгое время позволила себе слабость. Позволила себе быть просто женщиной. Которая боится. Которая разочарована. Которая чувствует себя преданной. Которая видит, как мужчина, которого она выбрала, становится монстром. Ради неё. Ради них всех. Ради победы, которая пахнет пеплом и смертью.

Лири не стала её утешать. Не стала говорить банальностей вроде «всё будет хорошо» или «он делает это ради нас». Лира знала цену таким словам. Они пусты. Они звенят, как медные монеты, брошенные в пустую кружку нищего. Они ничего не стоят. Лира сделала единственное, что могла сделать для подруги, которая страдала. Она обняла её. Крепко. По-мужски. Без лишних слов. Просто дала ей тепло своего тела. Далёкое тепло, которое говорило: «Ты не одна. Я здесь. Я понимаю».

Ирис плакала беззвучно. Слезы текли по щекам, смешиваясь с грязью, усталостью, запахом травяного отвара, которым пропиталась её одежда. Она плакала о мальчишке, которого приговорили к смерти. Плакала об Эйнаре, который вынес этот приговор. Плакала о себе, которая оказалась между двух огней. Между любовью к этому человеку и ненавистью к тому, кем он становился. Плакала о мире, который был устроен так несправедливо, так жестоко, так неправильно.

Лири молчала. Гладила её по спине своей единственной рукой. Второй рукой, которой когда-то касалась струн гитары или рукояти меча. Сейчас эта рука дарила простое человеческое утешение. Которое порой нужнее любых слов. Которое говорит: «Я чувствую твою боль. Я разделяю её. Я беру часть её тяжести себе».

Они сидели так долго. Пока солнце ползло по небу. Пока лагерь жил своей жизнью. Пока снаружи решались судьбы людей. Пока внутри шатра две женщины пытались удержать осколки своего мира, которые грозили рассыпаться в прах от одного неверного движения, одного жестокого приказа, одного удара меча, который вот-вот должен был прозвучать под этим серым небом войны.

IX

Снаружи навеса, где проходил суд, Рагнар тяжело опёрся на плечо Ворна. Левая рука старого воина висела плетью. Скверна поднималась. Выше локтя. Выше плеча. К шее. Скоро она дойдёт до сердца. Скоро он забудет своё имя. Скоро он станет пустотой. Но сейчас он был здесь. Он должен был быть здесь. Чтобы стоять плечом к плечу со своим вожаком. Чтобы показать стае, что старые волки едины. Что закон волчьей стаи нерушим. Что этот суд — это необходимость, продиктованная выживанием. Рагнар смотрел на толпу новобранцев. Смотрел им в глаза. Смотрел так, как смотрит матёрый волк на молодняк. Смотрел оценивающе. Холодно. Безжалостно. Многие отводили взгляд. Многие опускали головы. Многие понимали. Этот урок они запомнят надолго. Если вообще переживут сегодняшний день физически, то морально они уже сломлены. Они увидели истинное лицо своего нового командира. Истинное

лицо войны. Которая требует жертв. Которая питается страхом. Которая строится на дисциплине более твёрдой, чем камень гор. Увидели и запомнили.

Ворн поддерживал друга. Чувствовал, как тот дрожит. От слабости. От скверны. Или просто от напряжения этого момента. Ворн знал Рагнара много лет. Знал, что тот скорее умрёт стоя, чем будет жить ползая. Знал, что тот скорее примет смерть от скверны, чем покажет слабость перед молокососами. Поэтому он поддерживал его. Молча. Давая ему точку опоры. Точку стабильности. В этом шатком мире, где земля уходит из-под ног, где небо падает вниз, где единственное, что держит, — это плечо друга, стоящего рядом, готового разделить тяжесть бытия, готового умереть вместе, если придётся. Потому что таков закон Стаи. Закон Волков. Закон, который гласит: мы держимся вместе или падаем порознь. Третьего не дано.

Х

Эйнар посмотрел на Кнуда. Затем обвёл взглядом толпу. Новобранцы замерли. Ветераны напряглись, готовые ко всему. Лис напряглась, готовая метнуть нож при малейшем признаке бунта. Ворн крепче сжал рукоять меча Рагнара, готовый вмешаться. Эйнар заговорил. Его голос звучал негромко, но благодаря абсолютной тишине, повисшей над лагерем, слышали его абсолютно все. От первого до последнего ряда. От самого старого ветерана до самого юного новобранца, который вчера взял в руки меч впервые в жизни.

— Дисциплина, — голос Эйнара был ровным, лишённым каких-либо эмоций, словно он зачитывал список припасов, а не выносил смертный приговор. — Это не цепь на шее. Это хребет армии. Без него мы — просто толпа вооружённых людей, обречённая на резню. Вы думаете, что взяли эту цитадель мечами? Нет. Вы взяли её дисциплиной. Тем, что стояли в строю, когда стрелы летели в лицо. Тем, что слушали приказы, когда хотелось бежать.

Он сделал паузу, и его взгляд, холодный и острый, как край обсидианового осколка, прошёлся по лицам новобранцев.

— Этот человек, — он кивнул на Кнуда, который уже не дрожал, а мелко трясся всем телом, — ударил часового. Часового, который охранял ваш сон и ваши жизни. Он попытался украсть провиант. Провиант, который должен кормить раненых детей Домена Щита. Тех самых детей, ради которых мы сожгли этот лес и пролили кровь на этих камнях.

Эйнар шагнул вперёд. Он был безоружен. Левая культия была прижата к боку, правая рука свободно висела вдоль тела. Он выглядел беззащитным перед лицом этого разъярённого гиганта с руками молотобойца.

— Я предлагаю ему честный бой. До первой крови, которая станет последней. Я не буду использовать дар или сталь. Только то, что у меня есть. Если он победит — он свободен. Если нет... значит, таков его путь.

Это было оскорбление. Ужасное, изощрённое оскорбление. Эйнар, Зеркальный Пророк, человек, убивший своё отражение и сотню теней, предлагал безоружный бой деревенскому увальню. Это было не милосердие. Это была казнь под видом правосудия.

Кнуд смотрел на культю командира. На этот чёрный шрам, уходящий под кожаный наруч. Он слышал истории. Все их слышали. О том, как Пустой убивает одной левой. О том, как он дробит камни взглядом. О том, как он... Но это же были сказки? Страшилки у костра?

— Ты... ты издеваешься? — прохрипел Кнуд. Его голос сорвался на писк. — Ты... без руки! Я убью тебя!

В толпе новобранцев раздались редкие смешки, но они тут же стихли под тяжёлым взглядом Ворна и Рагнара.

— Тогда убей, — просто сказал Эйнар.

Кнуд медлил. Он был силён. Он привык к дракам в тавернах и потасовкам на ярмарках. Но там всегда были правила. Там можно было отступить, если дело пахло жареным. Здесь правил не было. Здесь была пустота в глазах человека напротив.

Наконец решимость отчаяния пересилила страх. Кнуд взревел — это был рев загнанного в угол зверя — и бросился вперёд.

Он был быстр для своей массы. Очень быстр. Он метил кулаком в лицо Эйнару, целясь в переносицу — удар, который должен был свалить быка.

Эйнар не сдвинулся с места.

В последний момент он чуть отклонил голову влево, пропуская огромный кулак в миллиметре от скулы. Одновременно его правая рука взметнулась вверх и перехватила запястье Кнуда железной хваткой.

Толпа ахнула единым вздохом.

Эйнар сжал пальцы. Не сильно — ровно настолько, чтобы Кнуд почувствовал давление и понял: вырваться не получится.

— Ты медленный, Кнуд, сын Свейна, — тихо сказал Эйнар прямо в лицо парню. Его дыхание было ровным. — Слишком медленный для воина.

Кнуд зарычал и попытался ударить левой рукой, целясь в бок командиру. Эйнар предвидел это движение. Он сделал полшага назад и вправо, используя инерцию удара противника против него самого. Кнуд потерял равновесие и начал заваливаться вперёд.

В этот момент Эйнар отпустил запястье парня и нанёс удар открытой ладонью правой руки ему в солнечное сплетение.

Это был не удар воина. Это был удар хирурга или палача — точный, выверенный до миллиметра. Удар пришёлся в нервный узел под грудиной.

Воздух со свистом вылетел из лёгких Кнуда вместе с хрипом. Его глаза вылезли из орбит. Он согнулся пополам так резко, словно его позвоночник превратился в шарнир.

Он упал на колени в пыль перед Эйнаром, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Он не мог вдохнуть. Лёгкие горели огнём, диафрагму свело судорогой от пропущенного удара.

Эйнар стоял над ним абсолютно спокойно.

— Встать! — приказал он тем же ровным тоном.

Кнуд попытался подняться на дрожащих руках, но ноги его не держали. Он снова рухнул на колени, давясь беззвучным криком боли и унижения.

— Встать! — повторил Эйнар громче.

Это было уже не предложение честного боя. Это была казнь через унижение и демонстрация силы. Эйнар доказывал свою правоту не мечом, а абсолютным превосходством тела и воли.

Кнуд поднял голову. В его глазах больше не было дерзости или вызова. Там плескался животный ужас и осознание собственной ничтожности перед этой машиной для убийств по имени Эйнар Пустой.

— Я... я не могу... — прошептал он одними губами.

Эйнар вздохнул и посмотрел на Ворна:

— Закончи это.

Ворн шагнул вперёд из-за спины Рагнара. В его огромной руке тускло блеснул тяжёлый боевой топор с широким лезвием — оружие лесоруба и палача одновременно.

Кнуд увидел приближающуюся смерть в лице старого воина и наконец нашёл в себе силы закричать:

— Нет! Постойте! Я... я понял! Я виноват! Простите!

Ворн остановился на полпути и посмотрел на Эйнара через плечо своего пленника. В его взгляде читался немой вопрос: «Точно? Может, пощадить?»

Эйнар покачал головой:

— Нет смысла щадить того, кто сломлен лишь страхом смерти, а не пониманием вины. Закон есть закон для всех.

Он перевёл взгляд на Кнуда:

— Ты умрёшь быстро. Это больше милости, чем ты заслуживаешь за удар в спину брату по оружию.

Ворн занёс топор одним слитным движением опытного мясника. Лезвие описало короткую дугу в сером утреннем воздухе и опустилось на шею стоящего на коленях человека со звуком тупого удара топора о сырое полено.

Тело Кнуда дёрнулось и обмякло ещё до того, как голова с застывшим выражением ужаса на лице упала в пыль и покатилась к ногам одного из новобранцев. Тот отшатнулся с бледным лицом; его вырвало прямо на собственные сапоги.

Кровь хлестала из обрубка шеи тугой пульсирующей струёй, заливая пыль тёмной лужей цвета спелой вишни.

Эйнар посмотрел на обезглавленное тело у своих ног ещё секунду, затем перевёл взгляд на толпу новобранцев.

— Кто-нибудь ещё хочет оспорить мои приказы? Или правила снабжения армии? Или право часового защищать склад?

Ответом ему была гробовая тишина и звук блевотины у ног того несчастного парня.

Эйнар кивнул сам себе:

— Хорошо. Ворн, приберите здесь... И пусть лекари осмотрят часового... Лис?

Лис выступила из тени навеса:

— Да?

— Что говорят твои уши? Что говорят твои глаза о настроениях среди... новичков?

Лис облизнула сухие губы:

— Они напуганы до смерти, командир. Напуганы тобой больше, чем врагом или скверной. Они будут подчиняться любому приказу без раздумий... пока страх силён.

Эйнар кивнул:

— Этого достаточно... А теперь все вон отсюда! Совет окончен!

ХІ

Ирис почувствовала это раньше, чем услышала шаги у входа в шатёр. Лира напряглась, её единственный глаз открылся мгновенно, став острым и хищным, как у волка, вышедшего на охоту. Она положила руку на плечо Ирис, сжимая его до боли, но это прикосновение было якорем, возвращающим к реальности.

Полог шатра откинулся внутрь, но это был не Эйнар. Это была Лис. Она вошла быстро, бесшумно, как тень. Её единственный глаз скользнул по двум женщинам, сидящим на полу, оценил ситуацию за долю секунды, но лицо осталось непроницаемым.

— Он идёт за тобой, Ирис. Идёт, чтобы забрать то, что ему нужно. Не тебя, а твою силу. Твой дар. Твои руки, которые могут держать скальпель, когда другие падают от усталости.

Ирис медленно подняла голову. Слёзы на её щеках уже высохли, оставив грязные разводы. Она выпрямилась, словно стальная пружина, которую сжали до предела, а теперь отпустили. Боль никуда не ушла, но она спряталась глубоко внутри, уступив место холодной ярости.

— Что он сделал? — голос Ирис был хриплым, но в нём звенела сталь. Она вытерла лицо рукавом грязной туники.

Лис покачала головой:

— Ничего нового. То, что должен был сделать вождь. Казнил мародёра. Казнил глупца. Казнил угрозу дисциплине. Казнил того, кто посмел поднять руку на брата по оружию перед лицом общего врага.

Ирис встала. Её трясло, но уже не от горя, а от гнева. Она посмотрела на Лиру, ища поддержки или осуждения, но увидела лишь холодное понимание. Разведчица знала цену таких решений. Знала, что иногда, чтобы спасти сотню, нужно убить одного. И эта математика была самой жестокой из всех, что знала война.

Лис подошла ближе, заговорила тише, так, чтобы звук её голоса не выходил за пределы шатра:

— Он делает это ради нас, Ирис. Ради того, чтобы мы дожили до завтра. Чтобы армия не превратилась в стаю шакалов, рвущих друг друга за кость. Он делает это, потому что ты слишком устала, чтобы видеть грязь этой работы. Он берёт её на себя. Запачкаться, чтобы твои руки остались чистыми для спасения жизней.

Ирис смотрела на неё. В глазах лекарки бушевала буря. Она хотела закричать: «Ложь! Это варварство!» Но слова застряли в горле. Потому что где-то глубоко внутри она знала: Лис права. Она знала, что если бы она сейчас вышла к этим людям со своими проповедями о милосердии, они бы просто посмеялись над ней. А завтра украли бы её лекарства, оставив раненых умирать в муках.

Она закрыла глаза. Сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Когда она открыла их, взгляд стал другим. Спокойным. Сосредоточенным. Решительным.

— Я ненавижу его за это, Лис. Ненавижу за то, что он прав. Ненавижу за то, что он стал тем, кем должен был стать, чтобы вести нас через этот ад.

Лис кивнула. Она понимала эту ненависть. Это была правильная ненависть. Чистая. Ненависть, которая даёт силы жить дальше, когда мир вокруг рушится.

Полог шатра снова дёрнулся. На этот раз тяжелее, резче. Это был он. Эйнар. Он не спрашивал разрешения войти. Он просто вошёл, заполняя собой всё пространство. Его огромная фигура заслонила свет, проходя внутрь. Он остановился, увидев трёх женщин, стоящих полукругом.

Ирис смотрела на него. Она видела следы бессонной ночи на его лице. Видела пыль цитадели в волосах. Видела усталость, которая была глубже, чем физическая боль. Но она также видела эту холодную отстранённость. Ту маску вождя, которую он надел вместо лица. Ту броню, за которой прятался человек, которого она любила.

Эйнар посмотрел ей в глаза. Его взгляд был тяжёлым, как могильная плита. Но в самой глубине этих серых льдин она вдруг увидела проблеск чего-то другого. Что-то похожее на мольбу. Или вину. Или отчаянную попытку достучаться до неё сквозь стену долга.

Он шагнул к ней. Правая рука поднялась медленно, словно он боялся спугнуть дикого зверя. Он протянул руку. Не чтобы ударить. Не чтобы схватить. Просто чтобы коснуться её щеки. Его пальцы были тёплыми, несмотря на холод утра. Они коснулись её кожи нежно, почти невесомо, стирая последнюю слезу, которую она сама не заметила, как пролила.

Ирис не отстранилась. Но и не поддавалась навстречу. Она стояла как каменное изваяние, позволяя ему эту последнюю ласку. Позволяя ему эту ложь во спасение. Позволяя ему думать, что между ними всё ещё есть что-то, кроме войны, долга и крови.

Эйнар опустил руку. Его плечи чуть ссутулились. Словно тяжесть всего мира стала ещё чуточку тяжелее.

— Нам нужно выступать через час, Ирис. Раненые ждут. Твои руки нужны им больше, чем мне. Твои бинты нужнее, чем мои объятия. Ты нужна мне там, в поле, где идёт бой, где спасают жизни. А не здесь, где их отнимают.

Это были правильные слова. Слова, которые резали больнее, чем нож Ворна. Слова, которые говорили: «Я выбрал армию, а не тебя». Хотя оба знали, что это неправда. Что он пытался выбрать и то и другое. Пытаясь спасти её душу от грязи, которую сам же и творил.

Ирис кивнула. Голос всё ещё не слушался её, поэтому она просто обошла его, прошла мимо него к выходу из шатра. Задержалась на секунду у полога. Обернулась, посмотрела ему в глаза долгим тяжёлым взглядом. В этом взгляде было всё. Ненависть. Любовь. Отчаяние. Понимание. И прощение, которого он никогда бы не принял, если бы осознал его цену.

Она вышла наружу, оставив его стоять посреди шатра. Одного. Наедине с тишиной, которая звенела громче любого крика.

ХII

Эйнар стоял неподвижно. Слушал, как затихают шаги Ирис снаружи. Как переговариваются «Волки», готовясь к маршу. Как где-то далеко ржёт лошадь. Как ветер шелестит пологом шатра. Он чувствовал себя выжженным изнутри. Словно скверна поднялась выше плеча прямо к горлу. Только это была скверна другого рода. Скверна власти. Скверна необходимости быть жестоким, чтобы выжить.

Он поднял левую культю. Посмотрел на шрам. Чёрный, маслянистый шрам, который иногда пульсировал тупой болью, напоминая о цене победы, которую пришлось заплатить. Там, где раньше был обсидиановый протез, теперь была лишь пустота. И эта пустота внутри него самого разрасталась с каждым таким решением. С каждой казнью. С каждой сломанной судьбой ради сохранения стаи.

Он подошёл к своему лежаку, поднял тяжёлый стальной меч Рагнара, который оставил там Ворн. Клинок был идеально вычищен. Ни пятнышка крови убитого мародёра. Меч воина должен быть чист, даже если душа воина черна как ночь. Эйнар проверил баланс, привыкая к весу чужого оружия. Оно было тяжелее его старого, привычнее. Оно было оружием солдата, а не убийцы теней. Но сейчас ему нужно было именно это. Солдатская сталь. Солдатская правда. Прямая, жестокая, но честная.

Он вложил меч в ножны. Затянул ремни португеи. Поправил перевязь. Его движения были механическими. Автоматическими. Как у человека, который проделывал этот ритуал тысячи раз. Которому доспех стал второй кожей. Которому война стала единственным домом.

Полог шатра снова откинулся. Это была Лис. Она вошла так же тихо, как и раньше. Но теперь в её взгляде читалось что-то похожее на сочувствие. Хотя разведчики никогда не сочувствуют. Они лишь констатируют факты. Оценивают риски. Предсказывают исходы.

— Она справится? — спросил Эйнар, не глядя на Лис. Вопрос прозвучал глухо, словно из глубокого колодца.

Лис помолчала секунду, подбирая слова:

— Она лекарь, Эйнар. А лекарь живёт ради того, чтобы спасать. Даже если мир вокруг горит. Даже если небо падает. Ей нужно действие. Ей нужно кого-то штопать. Перевязывать. Остановить кровь. Чтобы доказать самой себе, что она всё ещё может приносить жизнь, а не только видеть смерть. Ты дал ей эту цель. Вывел её из шатра. Дал ей работу. Ты сделал правильно, командир.

Эйнар наконец посмотрел на неё. В его глазах цвета зимнего неба плескалась такая усталость, что казалось, ещё секунда — и он рухнет замертво прямо здесь.

— Я знаю, что правильно, Лис. Я знаю. Но от этого почему-то только больнее. Каждый раз, когда я делаю то, что должен, я чувствую, как часть меня умирает. Там внутри, где раньше билось сердце, которое я оставил там, у трона призраков. Я чувствую себя пустым, Лис. Настоящему пустым. Без надежды. Без права на ошибку. Без права быть слабым. Даже сейчас. Особенно сейчас, когда я хочу просто упасть к её ногам и просить прощения за то, что я чудовище, которое она вынуждена любить.

Лис подошла ближе. Положила свою тонкую руку ему на предплечье. Единственный живой глаз смотрел прямо ему в душу. Пронизывающе. Беспощадно.

— Ты не чудовище, Эйнар. Ты тот, кто держит небо, пока остальные смотрят под ноги. Ты тот, кто принимает решения, от которых тошнит любого нормального человека. Чтобы нормальным людям вроде неё не пришлось этого делать. Ты их щит. Их проклятие. Их спасение. Ты тот, кого будут проклинать при жизни и молиться на него после смерти. Такова цена лидерства, Пустой. Ты платишь её сполна. И даже переплачиваешь. Но ты никогда не сдашься. Потому что если сдашься ты — рухнет весь мир, который ты держишь на своих плечах. Так ведь?

Эйнар долго смотрел на неё. Потом медленно кивнул. Один раз. Коротко. Резко. Как отдают честь.

— Так, Лис. Так...

Он глубоко вздохнул. Выпрямился во весь рост. Плечи расправились. Маска вождя вернулась на место. Заменив собой лицо уставшего мужчины. Маска была холодной, твёрдой, непроницаемой. Готовой ко всему.

Он направился к выходу. Проходя мимо Лис, остановился на секунду. Его огромная фигура нависла над хрупкой разведчицей.

— Спасибо, Лис. За то, что понимаешь. За то, что видишь правду. За то, что ты рядом...

Она ничего не ответила. Только кивнула. Её лицо оставалось каменным. Но в единственном глазу мелькнуло что-то похожее на теплоту. Братскую теплоту солдата к солдату. Разведчика к командиру. Волка к вожаку стаи, которому предстоит вести их через самый тёмный час этой бесконечной войны.

Эйнар вышел из шатра. В лицо ударил холодный утренний воздух. Запах дыма, лошадиного пота и влажной земли. Лагерь гудел, как растревоженный улей. Новобранцы уже знали о казни. Видели тело, которое Ворн распорядился убрать. Тихий ужас сковал их движения. Они работали молча. Быстро. Стараясь не встречаться взглядами ни с ветеранами, ни друг с другом. Урок был усвоен. Дисциплина восторжествовала. Страх стал их новым богом. И они молились ему усердно, стараясь быть незаметными, стараясь быть полезными, стараясь просто выжить ещё один день.

Эйнар прошёл через лагерь к центральному помосту, где обычно проходили построения. Люди расступались перед ним, образуя живой коридор. В их взглядах читалось всё. Восторг. Ужас. Почтение. Ненависть. Обожание. Страх. Они видели своего бога. Живого, неуязвимо-го, жестокого бога войны, который только что принёс кровавую жертву, чтобы умиловить судьбу. И судьба приняла дар. Небо оставалось серым, но буря прошла стороной. По крайней мере сегодня.

Он поднялся на помост. Обвёл взглядом собравшихся. «Волки» стояли плотным строем. Спина к спине. Лицом к толпе. Новобранцы жались по краям, неуверенные, имеют ли они право стоять рядом с элитой армии. Ветераны смотрели спокойно. Готово, ожидая приказа. Рагнар стоял впереди, опираясь на меч. Его левая рука висела плетью. Скверна поднималась. Выше. Выше. Но его взгляд был ясен. Осмыслен. Предан ему, Пустому Человеку, который вёл их от победы к победе. Через кровь, огонь и смерть.

Эйнар поднял правую руку, требуя тишины. Хотя над лагерем и так висела звенящая тишина, нарушаемая лишь ветром да треском догорающих костров прошлого дня.

ХIII

Речь его была короткой. Жёсткой. Лишённой всякой патетики. Никаких красивых слов о доблести. Никаких обещаний райских куш после смерти. Только факты. Только суровая правда войны, которой они жили, дышали, которую они были готовы нести дальше как крест, как проклятие, как единственное спасение от безумия мира вокруг.

— Мы взяли цитадель. Корвус в клетке. Войска Домена Щита присоединились к нам. У нас есть припасы. Есть люди. Есть цель. Мы идём дальше. Север ждёт нас. Там последняя твердыня врага. Там ответы. Там конец пути. Или начало нового. Я знаю, вы устали. Я знаю, вы хотите отдыха. Но отдыха нет. Война не кончена. Пока жива скверна. Пока живы тени. Пока жива память о тиранах, которые пали, но могут воскреснуть. Мы идём вперёд. Потому что если мы остановимся, смерть догонит нас. И она будет страшнее любой битвы. Страшнее любого врага. Потому что она будет медленной. Голодной. Беспощадной. Мы выступаем через час. Раненые поедут в повозках. Способные держать оружие идут пешком. Мы идём одной колонной. Мы идём одной судьбой. Мы идём одной смертью. Если кто-то упадёт — мы несём его, пока бьётся сердце. Если кто-то предаст — мы казним его быстро. Честно. Без пощады. Потому что мы «Серые Волки». А волки никогда не сдаются. Волки помнят. Даже когда память умирает. Даже когда имя исчезает. Даже когда пустота зовёт. Волки помнят. Это наше имя. Наша плата. Наша надежда...

Он замолчал. Обвёл толпу тяжёлым взглядом. Никто не произнёс ни слова. Никто не шелохнулся. Ветераны смотрели с каменными лицами. Новобранцы смотрели со страхом, который медленно, но верно уступал место чему-то другому. Решимости. Отчаянной надежде. Желанию выжить. Любой ценой. Даже если цена эта — идти за человеком, который только что убил одного из них, чтобы спасти остальных. Они приняли его правила игры. Приняли его жестокость. Приняли его правду. Потому что другой правды у них теперь не было. Он стал их миром. Их законом. Их богом войны, которому они готовы были приносить жертвы, даже свои собственные жизни, если потребуется. Потому что он давал им то, чего они жаждали больше всего после рабства у Корвуса. Он давал им структуру. Порядок. Цель. Смысл существования, пусть даже этот смысл заключался в том, чтобы убивать или быть убитыми сегодня вечером. Завтра утром. Послезавтра. На следующей неделе...

Эйнар опустил руку. Спрыгнул с помоста. Не оглядываясь, пошёл к своему шатру. Нужно было собрать вещи. Нужно было проверить снаряжение. Нужно было найти Ирис. Нужно было сказать ей те слова, которые он никогда бы не сказал при всех. Слова, которые предназначались только для них двоих. Слова, которые могли бы склеить разбитую чашу их отношений хотя бы на время похода. Хотя бы до следующей битвы. Следующей казни. Следующего выбора, от которого будет зависеть жизнь или смерть десятков людей...

Глава 62. Смута в лагере

Рассвет, наступивший после казни Кнуда, был не просто серым — он был свинцовым. Небо над лагерем союзников, казалось, опустилось ниже, прижав к земле дымящиеся угли вчерашних костров и серые от пыли палатки. Воздух, и без того тяжёлый от запаха гари и озона после взрыва цитадели, теперь пропитался новой, отчётливой нотой — сладковато-металлическим ароматом свежей крови. Он не был густым, как на поле боя, где земля пьёт её литрами, но здесь, в тесноте походного стана, он казался удушающим. Это был запах правосудия, и он никому не нравился.

Лагерь просыпался медленно, словно больной, приходящий в себя после тяжёлой операции. «Волки», ветераны бесчисленных схваток, вставали со своих лежанок с лицами, на которых застыла каменная маска. Они видели смерть во всех её проявлениях: от благородной гибели в бою до грязной агонии от скверны. Но то, что произошло час назад у складов провизии, не укладывалось ни в один из привычных шаблонов. Это была не битва. Это была казнь. И это меняло всё.

Новобранцы — те самые три десятка бывших пленных и ополченцев, которых они освободили из подземелий Корвуса — двигались как тени. Вчерашний пьяный угар победы испарился без следа, оставив после себя лишь похмелье и липкий, холодный ужас. Они работали молча. Слишком молча. Звук скребущего по котелку черпака или треска ломаемой для костра ветки казался оглушительным в этой звенящей тишине. Никто не шутил у костра. Никто не делился трофейным кислым вином. Взгляды, которыми они обменивались с ветеранами, были быстрыми, вороватыми и полными животного страха. Они смотрели на «Волков» не как на братьев по оружию, а как смотрит овца на волкодава: с пониманием его силы и смертельной опасности.

Эйнар наблюдал за этим из-под полуопущенных век, стоя у своего шатра. Он не спал всю ночь. После того как Ворн убрал обезглавленное тело Кнуда, а кровь присыпали серой пылью с развалин цитадели, командир не вернулся к себе. Он долго стоял на том самом месте, глядя в пустоту перед собой. Левая культя привычно ныла тупой, пульсирующей болью — эхом той цены, что он заплатил у Трона Призраков. Но эта физическая боль была ничем по сравнению с ледяной пустотой, разраставшейся в груди.

Он сделал то, что должен был. Он это знал. Логика войны была неумолима: один гниющий зуб может отравить весь организм. Если позволить новобранцам считать мародёрство допустимым «возмещением» за риск, дисциплина рухнет. Армия превратится в стаю шакалов, дерущихся за кость ещё до того, как лев насытится. А шакалы не побеждают в войнах.

Но знание не приносило облегчения. Оно лишь давало право на существование этой пустоте. Эйнар смотрел на лагерь и видел результат своей работы. Страх. Вот что он посеял вместо зерна братства. И этот урожай был обильным.

— Они работают как мертвецы, — голос Ворна раздался за спиной неожиданно тихо для человека его комплекции. Старый воин подошёл неслышно, словно не хотел нарушать хрупкую утреннюю тишину.

— Мертвецы не работают, Ворн. Мертвецы гниют или служат Корвусу, — голос Эйнара был ровным и лишённым интонаций. Он даже не обернулся.

— Ты знаешь, о чём я. Парни напуганы до усрачки. Я видел такое раньше. Когда командир перегibt палку... это ломает хребет отряду быстрее вражеского клинка.

— Хребет отряда — это дисциплина. Я только что показал им, что бывает с теми, кто пытается этот хребет сломать.

Ворн тяжело вздохнул и сплюнул себе под ноги вязкую слюну цвета ржавчины.

— Ты показал им больше, Эйнар. Ты показал им тирана.

Слово повисло в воздухе тяжёлым камнем. Эйнар медленно повернул голову и посмотрел на своего старого друга и заместителя. В глазах Ворна не было осуждения — там плескалась глубокая усталость человека, который видел слишком много войн и слишком много смертей хороших людей из-за глупости или жестокости командиров.

— Я не тиран.

— А кто же ты? — Ворн пожал плечами. — Ты только что казнил парня за кражу мешка зерна перед строем его товарищей. Без суда присяжных из Домена Щита. Без права на последнее слово перед равными ему по званию. Ты вызвал его на бой без оружия против воина в доспехах и с опытом десяти лет резни.

— Это был честный бой.

— Честный? — Ворн хмыкнул, но в этом звуке не было веселья. — Ты предложил ему иллюзию шанса. Ты предложил ему убить себя голыми руками против Пустого. Это была не дуэль чести, Эйнар. Это была публичная порка до смерти.

Эйнар ничего не ответил. Он снова перевёл взгляд на лагерь. Ворн был прав в своей циничной прямоте, но командир не мог позволить себе признать это вслух даже перед ним.

— Дисциплина держится на страхе перед командиром больше, чем на верности знамени, — повторил Эйнар слова, сказанные им вчера утром Ворну.

— Верно, — кивнул старый воин. — Но есть страх и есть ненависть. Сегодня ты посеял страх среди новобранцев. Но ты посеял семена ненависти среди своих же людей.

Эйнар нахмурился и наконец посмотрел Ворну прямо в глаза:

— О чём ты говоришь?

Ворн огляделся по сторонам, проверяя, нет ли лишних ушей поблизости.

— Не все «Волки» довольны тем спектаклем у склада. Я слышал разговоры у костров ночью... пока ты спал или делал вид, что спишь.

— Я не спал.

— Тем лучше для тебя. Так вот... Есть те, кто говорит: «Мы сражались с тенями Корвуса не для того, чтобы стать палачами для своих же». Они говорят о милосердии.

Эйнар почувствовал глухое раздражение, поднимающееся из глубины души:

— Милосердие? Мы на войне! Какое милосердие к тем, кто крадёт еду у раненых детей? Какое милосердие к тому, кто бьёт часового в спину?

Ворн поднял руку в примирительном жесте:

— Я не спорю с тобой о парне. Кнуд был гнилым яблоком, и ты его выкинул. Но способ... Способ был грязным. Ты унизил его перед смертью, Эйнар. А когда командир унижает врага так... он унижает и себя самого в глазах тех, кто идёт за ним ради чести.

Эйнар сжал челюсти так сильно, что скрипнули зубы.

— Честь? Честь не спасёт нас от голода! Честь не остановит кинжал в спине! Армия должна быть единым кулаком! Если этот кулак начнёт гнить изнутри...

Он осекся на полуслове. Из-за угла шатра показалась Лис. Разведчица двигалась бесшумно, как всегда, но её единственный глаз был холоден и цепок. Она остановилась в нескольких шагах от них и коротко кивнула Ворну:

— Слышала ваш разговор от повозки с ранеными.

Ворн лишь хмыкнул:

— Ну конечно, слышала. У тебя слух как у летучей мыши.

Лис проигнорировала подколку:

— Он прав насчёт смуты среди «стариков», командир.

Эйнар перевёл тяжёлый взгляд на неё:

— Насколько всё плохо?

Лис помолчала секунду, подбирая слова:

— Пока это шёпот по углам. Те же разговоры о чести и милосердии... Но есть нюанс. Они говорят это не потому, что им жалко Кнуда или они верят в святость воровства.

— Тогда почему? — спросил Ворн.

Лис посмотрела прямо на Эйнара:

— Потому что они боятся за тебя... командир.

Ворн удивлённо крикнул:

— Боятся за него? С чего бы?

Лис сделала шаг вперёд:

— Они видят то же самое, что вижу я или Ирис... но под другим углом. Они видят командира, Зеркального Пророка, Пустого человека без руки... который становится тем самым монстром из сказок у костра для новобранцев. Они боятся не того, что ты сделал с Кнудом... а того, кем ты становишься ради этого поступка.

Тишина после её слов стала почти осязаемой. Эйнар почувствовал ледяной холод внутри живота.

«Ты превращаешься в него... В Корвуса», — эхом прозвучали в голове слова Ирис из вчерашнего разговора в шатре.

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение:

— Это чушь! Я делаю то же самое! Я защищаю их жизни! Если бы я простил мародёра...

Лис перебила его спокойным голосом:

— Никто не говорит о прощении мародёра! Мы все понимаем необходимость казни! Но ты мог сделать это иначе! Мог отдать приказ Ворну или мне — тихо перерезать ему глотку ночью в палатке! Мог устроить закрытый суд совета! Но ты вынес это на площадь! Ты превратил правосудие в кровавый спектакль!

Её голос оставался ровным и тихим, но каждое слово било точно в цель.

Эйнар открыл рот для ответа — гневного, резкого ответа о том, что дисциплина требует наглядности... но слова застряли в горле. Потому что она была права? Или потому что он сам уже начал верить в эту жестокую логику настолько глубоко, что перестал видеть другие пути?

Он молча отвернулся от них обоих и пошёл прочь от шатра к центру лагеря — туда, где возвышался деревянный помост для построений и речей перед боем. Ему нужно было двигаться. Нужно было занять руки делом или хотя бы видом деятельности лидера перед лицом армии.

Солнце окончательно выбралось из-за горизонта (если эту бледную желтизну можно было назвать солнцем), когда Эйнар поднялся на помост и ударил рукоятью меча по щиту Рагнара — тот самый звук «БАММ», который заставлял тысячи людей замирать на месте и замолкать даже посреди самого яростного спора или пьяной драки у костра.

Тишина упала мгновенно. Ветераны-«Волки» подобрались ближе к помосту плотной стеной из стали и потёртой кожи доспехов. Новобранцы жались по краям толпы — испуганные дети войны в мешковатой трофейной одежде с чужого плеча.

Эйнар обвёл толпу тяжёлым взглядом из-под нахмуренных бровей. Он видел их лица: бледные от недосыпа и страха у новобранцев; каменные или хмурые у ветеранов; усталые у всех без исключения после штурма цитадели; злые у тех немногих смутьянов в задних рядах «Волков».

Он набрал полную грудь холодного утреннего воздуха и заговорил:

— Дисциплина!

Голос прозвучал негромко для такой толпы, но благодаря абсолютной тишине его услышали все до единого человека в лагере — от седого ветерана до мальчишки-оруженосца с широко распахнутыми глазами.

— Дисциплина — это не цепь на шее раба! — продолжил он чуть громче, делая шаг вперёд к краю помоста так, чтобы видеть глаза тех самых ветеранов в задних рядах. — Это хребет армии! Без него мы — просто толпа вооружённых людей! Толпа обречённых бродяг! Вы думаете, мы взяли цитадель Корвуса мечами? Нет!

Он сделал паузу и ткнул пальцем куда-то за спину толпы:

— Мы взяли её дисциплиной! Теми самыми правилами! Теми самыми приказами! Теми самыми часовыми у складов провизии!

Толпа вздрогнула как единый организм при упоминании складов и часового.

Эйнар спустился с помоста прямо в толпу ветеранов-«Волков». Он шёл сквозь их ряды медленно, давая каждому почувствовать его присутствие: запах пота и металла от доспехов Рагнара (который он так и не снял), тяжесть взгляда человека, который только что убил голыми руками другого человека ради этих самых правил.

Он остановился прямо напротив группы ветеранов во главе со старым десятником по имени Ульф — суровым северянином с лицом, иссечённым шрамами от скверны больше, чем от вражеских клинков.

Ульф смотрел прямо перед собой, избегая встречаться взглядом с командиром.

Эйнар встал вплотную к нему — так близко, что их нагрудники почти соприкасались (если бы у Эйнара была правая рука).

— Ульф!

Голос командира прозвучал негромко, но Ульф вздрогнул всем телом так, будто его ударили плетью по спине.

— Да... командир? — голос десятника предательски дрогнул на последнем слове.

Эйнар обвёл тяжёлым взглядом всю группу вокруг Ульфа: Харальда-копейщика с вечно кислой миной; двух братьев-близнецов из Домена Щита; ещё троих ветеранов со шрамами такой давности, что они казались частью их лиц уже при рождении.

— Вы были там вчера? Вы видели всё?

Ульф сглотнул комок в горле:

— Мы видели казнь... командир Эйнар...

Эйнар покачал головой:

— Нет! Вы видели правосудие!

Он резко развернулся к ним спиной и снова вышел вперёд так, чтобы его видели все: и «старики», и «молодняк».

— Этот человек ударил часового при исполнении обязанностей! Часового! Который охранял ваш сон! Который охранял ваши жизни ценой своей собственной бдительности! Он попытался украсть провиант! Провиант армии во время военного похода!

Его голос начал нарастать подобно грому надвигающейся бури:

— Провиант для раненых детей Домена Щита! Тех самых детей! Ради которых мы сожгли леса у подножия крепости! Ради которых мы проливали кровь на этих камнях!

Он указал рукой на руины цитадели за спиной лагеря — чёрный шрам на сером пейзаже горной долины.

Толпа молчала. Новобранцы смотрели вниз себе под ноги или на носки своих сапог в серой жиже под ногами (смесь пыли Стекла и талой воды). Ветераны стояли прямо, но их лица были непроницаемы, как скалы Ущелья Чёрного Ворона.

Эйнар сделал паузу и понизил голос до почти интимного шёпота, который тем не менее разносился по всему лагерю благодаря акустике долины:

— Вы думаете... вы думаете, я наслаждался этим?

Тишина стала звенящей.

«Волки» переглянулись между собой с недоумением во взглядах: «О чём это он?»

Эйнар же смотрел прямо на Ульфа и его группу поддержки:

— Вы думаете, мне нравится быть палачом? Мне нравится смотреть в глаза человеку перед тем, как забрать его жизнь? Мне нравится чувствовать эту пустоту внутри?

Он ударил себя кулаком правой руки (левой кулётёй) по нагруднику доспеха Рагнара так сильно, что металл глухо загудел:

— Я ненавижу это!

Его крик заставил нескольких новобранцев вздрогнуть всем телом.

«Волки» замерли ещё больше, каменея лицами от удивления: их командир никогда раньше не говорил о своих чувствах публично так открыто и яростно.

Эйнар обвёл всех взглядом исподлобья:

— Но я сделаю это снова! Снова и снова! Если потребуется защитить вас всех от вас самих же!

Он ткнул пальцем в сторону новобранцев:

— Вы думаете, им было легко смотреть? Им было страшно до дрожи в коленях! И это хорошо! Пусть боятся меня больше, чем врага! Пусть боятся нарушить приказ больше, чем умереть от стрелы баллисты!

Он снова повернулся к ветеранам-«Волкам»:

— А вы... Вы должны бояться другого!

Его голос стал тише шелеста ветра в сухой траве:

— Вы должны бояться того дня... когда я дрогну...

Тишина стала абсолютной. Казалось, даже ветер стих, чтобы послушать командира Пустого.

Эйнар шагнул вперёд ещё раз:

— Если я дрогну сейчас... если позволю гниению распространиться... Завтра половина этой армии сбежит с казной Корвуса через перевалы Мёртвых! А вторая половина перережет первую ради этой казны!

Он сделал паузу и закончил фразу ледяным тоном:

— А потом придёт враг... который добьёт выживших...

Он замолчал на несколько долгих секунд, давая словам впитаться в сознание каждого солдата под серым небом этого проклятого мира.

Затем он выпрямился во весь рост (хотя он был ниже многих своих бойцов) и заговорил командным тоном:

— Мы выступаем через час! Раненые поедут в повозках под присмотром Ирис, Лис, Лирь, Рагнара... Способные держать оружие идут пешком своим ходом!

Он обвёл взглядом ряды ветеранов-«Волков», отдельно задержавшись на группе Ульфа:

— Мы идём одной колонной! Мы идём одной судьбой! Мы идём одной смертью!

Его голос гремел над лагерем подобно боевому рогу древних королей Севера:

«Если кто-то упадёт — мы несём его, пока бьётся сердце!»

«Если кто-то предаст...»

Он сделал паузу, достаточную, чтобы каждый представил себе последствия этого слова...

«Мы казним его быстро!»

«Честно!»

«Без пощады!»

«Потому что мы "Серые Волки"! А волки никогда не сдаются!»

«Волки помнят!»

«Даже когда память умирает...»

«Даже когда имя исчезает...»
«Даже когда пустота зовёт...»
«Волки помнят!»
«Это наше имя!»
«Это наша плата!»
«Это наша надежда...»

Последние слова он произнёс уже тише обычного человеческого голоса, до шёпота, похожего на молитву жреца над могилой друга, но благодаря тишине долины их услышали все до единого человека, замершего под этим свинцовым небом войны.

Эхо его слов ещё висело в воздухе, когда он резко оборвал речь, опустил руку, развернулся на каблуках сапог Рагнара (которые были ему велики) и пошёл прочь от помоста обратно к своему шатру.

Толпа стояла неподвижно ещё несколько долгих мгновений, переваривая услышанное. Ветераны смотрели ему вслед со смешанным чувством уважения, страха и той самой тревоги, о которой говорила Лис. Новобранцы смотрели ему вслед со слепым ужасом, который медленно, но верно уступал место чему-то другому, чему-то похожему на отчаянную надежду. Надежду выжить любой ценой, даже если цена эта — идти за человеком, который только что убил одного из них, чтобы спасти остальных.

Когда Эйнар вошёл обратно под полог своего шатра, внутри было сумрачно. Ирис сидела у дальней стенки, прислонившись спиной к центральному шесту. Она не подняла головы при его появлении. Она смотрела куда-то мимо своих рук, сложенных на коленях.

Эйнар остановился у входа. Полумрак шатра скрывал выражение его лица, но Ирис чувствовала исходящую от него волну усталости — такую глубокую, что казалось, она может поглотить весь мир.

Она молчала. Долго. Так долго, что время перестало существовать для них обоих. Наконец она подняла голову. Её глаза были сухими, но полными такой боли, какой Эйнар никогда раньше не видел, даже когда она лечила самые страшные раны скверны.

Она смотрела на него снизу вверх, потому что он стоял, а она сидела. И её взгляд был взглядом человека, который только что потерял веру во что-то очень важное.

Наконец она заговорила. Её голос был тихим, хриплым, но каждое слово било сильнее, чем удар топора Ворна.

В то же самое время снаружи шатра Лис стояла, прислонившись плечом к опорному столбу. Она видела, как вышла Ирис через несколько минут после того, как туда вошёл Эйнар. Видела, как та пошла прочь от центра лагеря туда, где начинались ряды палаток новобранцев. Лис знала, куда она идёт. Знала зачем. И она знала, чем это закончится.

Рагнар тяжело опёрся о меч. Его левая рука висела плетью. Скверна поднималась выше локтя, выше плеча. Он знал, что скоро она дойдёт до сердца. Скоро он забудет своё имя. Скоро он станет пустотой. Но сейчас он был здесь. Он должен был быть здесь. Чтобы стоять плечом к плечу со своим вожаком. Чтобы показать стае, что старые волки едины. Что закон волчьей стаи нерушим. Что этот суд — это необходимость, продиктованная выживанием. Рагнар смотрел на толпу новобранцев. Смотрел им в глаза. Смотрел так, как смотрит матёрый волк на молодняк. Смотрел оценивающе. Холодно. Безжалостно. Многие отводили взгляд. Многие опускали головы. Многие понимали. Этот урок они запомнят надолго. Если вообще переживут сегодняшний день физически, то морально они уже сломлены. Они увидели истинное лицо своего нового командира. Истинное лицо войны. Которая требует жертв. Которая питается страхом. Которая строится на дисциплине более твёрдой, чем камень гор. Увидели и запомнили.

Ворн поддерживал друга. Чувствовал, как тот дрожит. От слабости. От скверны. Или просто от напряжения этого момента. Ворн знал Рагнара много лет. Знал, что тот скорее умрёт стоя, чем будет жить ползая. Знал, что тот скорее примет смерть от скверны, чем покажет слабость перед молокососами. Поэтому он поддерживал его. Молча. Давая ему точку опоры. Точку стабильности. В этом шатком мире, где земля уходит из-под ног, где небо падает вниз, где единственное, что держит, — это плечо друга, стоящего рядом, готового разделить тяжесть бытия, готового умереть вместе, если придётся. Потому что таков закон Стаи. Закон Волков. Закон, который гласит: мы держимся вместе или падаем порознь. Третьего не дано.

Внутри шатра Эйнар сделал несколько шагов вперёд. Он хотел подойти, обнять, сказать, что всё будет хорошо. Но он знал, что сейчас эти слова будут ложью. Поэтому он остался стоять, где стоял. Его левая культия была прижата к боку, словно защищая то место, где раньше билось сердце, которое он оставил там, у трона призраков.

Ирис смотрела на него. Она видела перед собой не любимого мужчину, которого обнимала ночью у костра. Она видела командира. Зеркального Пророка. Человека, который принял решение, которое сломает ему душу, но спасёт тысячи жизней. Она понимала его умом. Понимала логику. Понимала необходимость. Но её сердце кричало от боли. Оно отказывалось принимать эту жестокую правду.

Она встала. Её шатало от усталости, но ярость придавала ей сил. Она подошла к нему вплотную, так близко, что могла бы коснуться его груди рукой. Она смотрела ему прямо в глаза снизу вверх, потому что он был выше ростом.

Ирис сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Когда она открыла глаза, её взгляд стал другим. Спокойным. Сосредоточенным. Решительным.

Она отступила на шаг, словно боясь заразиться этой холодной решимостью. Её губы дрожали; она хотела сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Она лишь покачала головой, развернулась и почти побежала прочь из шатра, прочь от этого страшного судилища, прочь от человека, которого любила, но которого сейчас боялась больше, чем врага.

Полог шатра откинулся внутрь, впуская холодный утренний воздух, впуская свет, впуская реальность войны, которая всегда побеждает чувства, которая всегда требует жертв, которая всегда берёт свою плату кровью, душами, частями твоей души, которые ты оставляешь гнить у обочины дороги, по которой идёшь к победе.

Эйнар остался стоять один посреди шатра. Наедине с тишиной. Которая звенела громче любого крика, громче рёва толпы, громче стука собственного сердца, которое казалось, тоже превратилось в камень.

Через час лагерь гудел как растревоженный улей. Новобранцы уже знали о казни. Видели тело, которое Ворн распорядился убрать. Тихий ужас сковал их движения. Они работали молча. Быстро. Стараясь быть незаметными. Стараясь быть полезными. Стараясь просто выжить ещё один день.

Эйнар прошёл через лагерь к центральному помосту, где обычно проходили построения. Люди расступались перед ним, образуя живой коридор. В их взглядах читалось всё. Восторг. Ужас. Почтение. Ненависть. Обожание. Страх. Они видели своего бога. Живого, неуязвимо-го, жестокого бога войны, который только что принёс кровавую жертву, чтобы умиловить судьбу. И судьба приняла дар. Небо оставалось серым, но буря прошла стороной. По крайней мере сегодня.

Речь его была короткой. Жёсткой. Лишённой всякой патетики. Никаких красивых слов о доблести. Никаких обещаний райских куш после смерти. Только факты. Только суровая правда войны, которой они жили, дышали, которую они были готовы нести дальше как крест, как проклятие, как единственное спасение от безумия мира вокруг.

Они приняли его правила игры. Приняли его жестокость. Приняли его правду. Потому что другой правды у них теперь не было. Он стал их миром. Их законом. Их богом войны, которому они готовы были приносить жертвы, даже свои собственные жизни, если потребуется. Потому что он давал им то, чего они жаждали больше всего после рабства у Корвуса. Он давал им структуру. Порядок. Цель. Смысл существования, пусть даже этот смысл заключался в том, чтобы убивать или быть убитыми сегодня вечером. Завтра утром. Послезавтра. На следующей неделе...

Отряд уходил дальше на север, оставляя позади руины цитадели. Пыль под ногами солдат молчала. Она молчала, потому что война не кончена. Потому что впереди их ждал последний перевал. Последний бой. Последний выбор, который определит судьбу этого мира. Пыль молчала, храня свои тайны, своих мёртвых, своих призраков прошлого, которые всегда идут следом за теми, кто выжил.

Эпилог сцены 62: Внутренний монолог Эйнара (мысленно)

Ирис ушла.

Мысль была простой констатацией факта, но внутри отозвалась тупой, саднящей болью, похожей на ту, которую причиняла скверна, живущая под кожей плеча. Только эта боль была душевной, а рана нанесена словами той, кого он любил больше жизни.

Я должен быть жестоким, чтобы защитить тех, кто слабее.

Эта мысль была его бронёй, его щитом, его единственным оправданием перед самим собой. Он повторял её про себя как молитву, пытаясь заглушить эхо слов Ирис: Ты превращаешься в него.

Нет. Он мотнул головой, отбрасывая эту мысль. Это было ложью. Это было слабостью. Он делает то, что должен. Делает грязную работу, которую никто другой сделать не сможет. Чтобы её руки оставались чистыми. Чтобы она могла спасать жизни, а не судить о том, чья жизнь ценнее, а чья нет.

Он поднял левую культю. Посмотрел на шрам. Чёрный, маслянистый шрам, который иногда пульсировал тупой болью, напоминая о цене победы, которую пришлось заплатить. Там, где раньше был обсидиановый протез, теперь была лишь пустота. И эта пустота внутри него самого разрасталась с каждым таким решением. С каждой казнью. С каждой сломанной судьбой ради сохранения стаи, ради выживания армии, ради спасения тысяч жизней, которые могли погибнуть, если бы армия начала жрать сама себя.

Это цена лидерства.

Слова Лис прозвучали в голове голосом старого, мудрого наставника. Ты тот, кого будут проклинать при жизни. И молиться на него после смерти. Такова цена лидерства, Пустой. Ты платишь её сполна. И даже переплачиваешь. Но ты никогда не сдашься. Потому что если сдашься ты — рухнет весь мир, который ты держишь на своих плечах. Так ведь?

Так, Лис. Так...

Он глубоко вздохнул. Выпрямился во весь рост. Плечи расправились. Маска вождя вернулась на место, заменив собой лицо уставшего мужчины. Маска была холодной, твёрдой, непроницаемой. Готовой ко всему. Готовой вести их через самый тёмный час этой бесконечной войны. Готовой заплатить любую цену, чтобы увидеть знамя над последней цитаделью врага.

Война продолжалась. И пыль под ногами солдат молчала. Потому что пыль умеет хранить тайны. А главная тайна любой войны заключается в том, что победителей нет. Есть только выжившие, которые несут свою боль дальше. Пока пустота окончательно не заберёт их всех. Или пока они сами не станут пустотой, чтобы победить её изнутри.

Конец главы 62

Глава 63. Ирис против казни

Рассвет, наступивший после казни Кнуда, не принёс облегчения. Он был свинцовым, тяжёлым, словно само небо, устав от бесконечной войны, решило рухнуть на плечи людей и раздавить их окончательно. Лагерь «Серых Волков» просыпался медленно, как больной, приходящий в себя после неудачной операции. Воздух был густым и неподвижным, пропитанным

не только привычной уже гарью сожжённых лесов и озоновой свежестью после колдовских взрывов, но и новой, отчётливой нотой — сладковато-металлическим ароматом свежей крови. Кровь Кнуда впиталась в серую пыль у складов провизии, став невидимой частью этого проклятого ландшафта. Это был запах правосудия Эйнара, и он никому не нравился.

«Волки», ветераны бесчисленных схваток, вставали со своих лежанок с лицами, на которых застыла каменная маска. Они видели смерть во всех её проявлениях: от благородной гибели в бою до грязной агонии от скверны. Но то, что произошло час назад у складов, не укладывалось ни в один из привычных шаблонов. Это была не битва. Это была казнь. И это меняло всё.

Новобранцы — те самые три десятка бывших пленных и ополченцев, которых они освободили из подземелий Корвуса — двигались как тени. Вчерашний пьяный угар победы испарился без следа, оставив после себя лишь похмелье и липкий, холодный ужас. Они работали молча. Слишком молча. Звук скребущего по котелку черпака или треска ломаемой для костра ветки казался оглушительным в этой звенящей тишине. Никто не шутил у костра. Никто не делился трофейным кислым вином. Взгляды, которыми они обменивались с ветеранами, были быстрыми, вороватыми и полными животного страха. Они смотрели на «Волков» не как на братьев по оружию, а как смотрит овца на волкодава: с пониманием его силы и смертельной опасности.

Эйнар наблюдал за этим из-под полуопущенных век, стоя у своего шатра. Он не спал всю ночь. После того как Ворн убрал обезглавленное тело Кнуда, а кровь присыпали серой пылью с развалин цитадели, командир не вернулся к себе. Он долго стоял на том самом месте, глядя в пустоту перед собой. Левая культя привычно ныла тупой, пульсирующей болью — эхом той цены, что он заплатил у Трона Призраков. Но эта физическая боль была ничем по сравнению с ледяной пустотой, разраставшейся в груди.

Он сделал то, что должен был. Он это знал. Логика войны была неумолима: один гниющий зуб может отравить весь организм. Если позволить новобранцам считать мародёрство допустимым «возмещением» за риск, дисциплина рухнет. Армия превратится в стаю шакалов, дерущихся за кость ещё до того, как лев насытится. А шакалы не побеждают в войнах.

Но знание не приносило облегчения. Оно лишь давало право на существование этой пустоте. Эйнар смотрел на лагерь и видел результат своей работы. Страх. Вот что он посеял вместо зерна братства. И этот урожай был обильным.

— Они работают как мертвецы, — голос Ворна раздался за спиной неожиданно тихо для человека его комплекции. Старый воин подошёл неслышно, словно не хотел нарушать хрупкую утреннюю тишину.

— Мертвецы не работают, Ворн. Мертвецы гниют или служат Корвусу, — голос Эйнара был ровным и лишённым интонаций. Он даже не обернулся.

— Ты знаешь, о чём я. Парни напуганы до усрачки. Я видел такое раньше. Когда командир перегибает палку... это ломает хребет отряду быстрее вражеского клинка.

— Хребет отряда — это дисциплина. Я только что показал им, что бывает с теми, кто пытается этот хребет сломать.

Ворн тяжело вздохнул и сплюнул себе под ноги вязкую слюну цвета ржавчины.

— Ты показал им больше, Эйнар. Ты показал им тирана.

Слово повисло в воздухе тяжёлым камнем. Эйнар медленно повернул голову и посмотрел на своего старого друга и заместителя. В глазах Ворна не было осуждения — там плескалась глубокая усталость человека, который видел слишком много войн и слишком много смертей хороших людей из-за глупости или жестокости командиров.

— Я не тиран.

— А кто же ты? — Ворн пожал плечами. — Ты только что казнил парня за кражу мешка зерна перед строем его товарищей. Без суда присяжных из Домена Щита. Без права на последнее слово перед равными ему по званию. Ты вызвал его на бой без оружия против воина в доспехах и с опытом десяти лет резни.

— Это был честный бой.

— Честный? — Ворн хмыкнул, но в этом звуке не было веселья. — Ты предложил ему иллюзию шанса. Ты предложил ему убить себя голыми руками против Пустого. Это была не дуэль чести, Эйнар. Это была публичная порка до смерти.

Эйнар ничего не ответил. Он снова перевёл взгляд на лагерь. Ворн был прав в своей циничной прямоте, но командир не мог позволить себе признать это вслух даже перед ним.

— Дисциплина держится на страхе перед командиром больше, чем на верности знамени, — повторил Эйнар слова, сказанные им вчера утром Ворну.

— Верно, — кивнул старый воин. — Но есть страх и есть ненависть. Сегодня ты посеял страх среди новобранцев. Но ты посеял семена ненависти среди своих же людей.

Эйнар нахмурился и наконец посмотрел Ворну прямо в глаза:

— О чём ты говоришь?

Ворн огляделся по сторонам, проверяя, нет ли лишних ушей поблизости.

— Не все «Волки» довольны тем спектаклем у склада. Я слышал разговоры у костров ночью... пока ты спал или делал вид, что спишь.

— Я не спал.

— Тем лучше для тебя. Так вот... Есть те, кто говорит: «Мы сражались с тенями Корвуса не для того, чтобы стать палачами для своих же». Они говорят о милосердии.

Эйнар почувствовал глухое раздражение, поднимающееся из глубины души:

— Милосердие? Мы на войне! Какое милосердие к тем, кто крадёт еду у раненых детей? Какое милосердие к тому, кто бьёт часового в спину?

Ворн поднял руку в примирительном жесте:

— Я не спорю с тобой о парне. Кнуд был гнилым яблоком, и ты его выкинул. Но способ... Способ был грязным. Ты унизил его перед смертью, Эйнар. А когда командир унижает врага так... он унижает и себя самого в глазах тех, кто идёт за ним ради чести.

Эйнар сжал челюсти так сильно, что скрипнули зубы.

— Честь? Честь не спасёт нас от голода! Честь не остановит кинжал в спине! Армия должна быть единым кулаком! Если этот кулак начнёт гнить изнутри...

Он осёкся на полуслове. Из-за угла шатра показалась Лис. Разведчица двигалась бесшумно, как всегда, но её единственный глаз был холоден и цепок. Она остановилась в нескольких шагах от них и коротко кивнула Ворну:

— Слышала ваш разговор от повозки с ранеными.

Ворн лишь хмыкнул:

— Ну конечно, слышала. У тебя слух как у летучей мыши.

Лис проигнорировала подколку:

— Он прав насчёт смуты среди «стариков», командир.

Эйнар перевёл тяжёлый взгляд на неё:

— Насколько всё плохо?

Лис помолчала секунду, подбирая слова:

— Пока это шёпот по углам. Те же разговоры о чести и милосердии... Но есть нюанс. Они говорят это не потому, что им жалко Кнуда или они верят в святость воровства.

— Тогда почему? — спросил Ворн.

Лис посмотрела прямо на Эйнара:

— Потому что они боятся за тебя... командир.

Ворн удивлённо крикнул:

— Боятся за него? С чего бы?

Лис сделала шаг вперёд:

— Они видят то же самое, что вижу я или Ирис... но под другим углом. Они видят командира, Зеркального Пророка, Пустого человека без руки... который становится тем самым монстром из сказок у костра для новобранцев. Они боятся не того, что ты сделал с Кнудом... а того, кем ты становишься ради этого поступка.

Тишина после её слов стала почти осязаемой. Эйнар почувствовал ледяной холод внутри живота.

«Ты превращаешься в него... В Корвуса», — эхом прозвучали в голове слова Ирис из вчерашнего разговора в шатре.

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение:

— Это чушь! Я делаю то же самое! Я защищаю их жизни! Если бы я простил мародёра...

Лис перебила его спокойным голосом:

— Никто не говорит о прощении мародёра! Мы все понимаем необходимость казни! Но ты мог сделать это иначе! Мог отдать приказ Ворну или мне — тихо перерезать ему глотку ночью в палатке! Мог устроить закрытый суд совета! Но ты вынес это на площадь! Ты превратил правосудие в кровавый спектакль!

Её голос оставался ровным и тихим, но каждое слово било точно в цель.

Эйнар открыл рот для ответа — гневного, резкого ответа о том, что дисциплина требует наглядности... но слова застряли в горле. Потому что она была права? Или потому что он сам уже начал верить в эту жестокую логику настолько глубоко, что перестал видеть другие пути?

Он молча отвернулся от них обоих и пошёл прочь от шатра к центру лагеря — туда, где возвышался деревянный помост для построений и речей перед боем. Ему нужно было двигаться. Нужно было занять руки делом или хотя бы видом деятельности лидера перед лицом армии.

Солнце окончательно выбралось из-за горизонта (если эту бледную желтизну можно было назвать солнцем), когда Эйнар поднялся на помост и ударил рукоятью меча по щиту Рагнара — тот самый звук «БАММ», который заставлял тысячи людей замирать на месте и замолкать даже посреди самого яростного спора или пьяной драки у костра.

Тишина упала мгновенно. Ветераны-«Волки» подобрались ближе к помосту плотной стеной из стали и потёртой кожи доспехов. Новобранцы жались по краям толпы — испуганные дети войны в мешковатой трофейной одежде с чужого плеча.

Эйнар обвёл толпу тяжёлым взглядом из-под нахмуренных бровей. Он видел их лица: бледные от недосыпа и страха у новобранцев; каменные или хмурые у ветеранов; усталые у всех без исключения после штурма цитадели; злые у тех немногих смутьянов в задних рядах «Волков».

Он набрал полную грудь холодного утреннего воздуха и заговорил:
— Дисциплина!

Голос прозвучал негромко для такой толпы, но благодаря абсолютной тишине его услышали все до единого человека в лагере — от седого ветерана до мальчишки-оруженосца с широко распахнутыми глазами.

— Дисциплина — это не цепь на шее раба! — продолжил он чуть громче, делая шаг вперёд к краю помоста так, чтобы видеть глаза тех самых ветеранов в задних рядах. — Это хребет армии! Без него мы — просто толпа вооружённых людей! Толпа обречённых бродяг! Вы думаете, мы взяли цитадель Корвуса мечами? Нет!

Он сделал паузу и ткнул пальцем куда-то за спину толпы:

— Мы взяли её дисциплиной! Теми самыми правилами! Теми самыми приказами! Теми самыми часовыми у складов провизии!

Толпа вздрогнула как единый организм при упоминании складов и часового.

Эйнар спустился с помоста прямо в толпу ветеранов-«Волков». Он шёл сквозь их ряды медленно, давая каждому почувствовать его присутствие: запах пота и металла от доспехов Рагнара (который он так и не снял), тяжесть взгляда человека, который только что убил голыми руками другого человека ради этих самых правил.

Он остановился прямо напротив группы ветеранов во главе со старым десятником по имени Ульф — суровым северянином с лицом, иссечённым шрамами от скверны больше, чем от вражеских клинков.

Ульф смотрел прямо перед собой, избегая встречаться взглядом с командиром.

Эйнар встал вплотную к нему — так близко, что их нагрудники почти соприкасались (если бы у Эйнара была правая рука).

— Ульф!

Голос командира прозвучал негромко, но Ульф вздрогнул всем телом так, будто его ударили плетью по спине.

— Да... командир? — голос десятника предательски дрогнул на последнем слове.

Эйнар обвёл тяжёлым взглядом всю группу вокруг Ульфа: Харальда-копейщика с вечно кислой миной; двух братьев-близнецов из Домена Щита; ещё троих ветеранов со шрамами такой давности, что они казались частью их лиц уже при рождении.

— Вы были там вчера? Вы видели всё?

Ульф сглотнул комок в горле:

— Мы видели казнь... командир Эйнар...

Эйнар покачал головой:

— Нет! Вы видели правосудие!

Он резко развернулся к ним спиной и снова вышел вперёд так, чтобы его видели все: и «старики», и «молодняк».

— Этот человек ударил часового при исполнении обязанностей! Часового! Который охранял ваш сон! Который охранял ваши жизни ценой своей собственной бдительности! Он попытался украсть провиант! Провиант армии во время военного похода!

Его голос начал нарастать подобно грому надвигающейся бури:

— Провиант для раненых детей Домена Щита! Тех самых детей! Ради которых мы сожгли леса у подножия крепости! Ради которых мы проливали кровь на этих камнях!

Он указал рукой на руины цитадели за спиной лагеря — чёрный шрам на сером пейзаже горной долины.

Толпа молчала. Новобранцы смотрели вниз себе под ноги или на носки своих сапог в серой жиже под ногами (смесь пыли Стекла и талой воды). Ветераны стояли прямо, но их лица были непроницаемы, как скалы Ущелья Чёрного Ворона.

Эйнар сделал паузу и понизил голос до почти интимного шёпота, который тем не менее разносился по всему лагерю благодаря акустике долины:

— Вы думаете... вы думаете, я наслаждался этим?

Тишина стала звенящей.

«Волки» переглянулись между собой с недоумением во взглядах: «О чём это он?»

Эйнар же смотрел прямо на Ульфа и его группу поддержки:

— Вы думаете, мне нравится быть палачом? Мне нравится смотреть в глаза человеку перед тем, как забрать его жизнь? Мне нравится чувствовать эту пустоту внутри?

Он ударил себя кулаком правой руки (левой культёй) по нагруднику доспеха Рагнара так сильно, что металл глухо загудел:

— Я ненавижу это!

Его крик заставил нескольких новобранцев вздрогнуть всем телом.

«Волки» замерли ещё больше, каменея лицами от удивления: их командир никогда раньше не говорил о своих чувствах публично так открыто и яростно.

Эйнар обвёл всех взглядом исподлобья:

— Но я сделаю это снова! Снова и снова! Если потребуются защитить вас всех от вас самих же!

Он ткнул пальцем в сторону новобранцев:

— Вы думаете, им было легко смотреть? Им было страшно до дрожи в коленях! И это хорошо! Пусть боятся меня больше, чем врага! Пусть боятся нарушить приказ больше, чем умереть от стрелы баллисты!

Он снова повернулся к ветеранам-«Волкам»:

— А вы... Вы должны бояться другого!

Его голос стал тише шелеста ветра в сухой траве:

— Вы должны бояться того дня... когда я дрогну...

Тишина стала абсолютной. Казалось, даже ветер стих, чтобы послушать командира Пустого.

Эйнар шагнул вперёд ещё раз:

— Если я дрогну сейчас... если позволю гниению распространиться... Завтра половина этой армии сбежит с казной Корвуса через перевалы Мёртвых! А вторая половина перережет первую ради этой казны!

Он сделал паузу и закончил фразу ледяным тоном:

— А потом придёт враг... который добьёт выживших...

Он замолчал на несколько долгих секунд, давая словам впитаться в сознание каждого солдата под серым небом этого проклятого мира.

Затем он выпрямился во весь рост (хотя он был ниже многих своих бойцов) и заговорил командным тоном:

— Мы выступаем через час! Раненые поедут в повозках под присмотром Ирис... Способные держать оружие идут пешком своим ходом!

Он обвёл взглядом ряды ветеранов-«Волков», отдельно задержавшись на группе Ульфа:

— Мы идём одной колонной! Мы идём одной судьбой! Мы идём одной смертью!

Его голос гремел над лагерем подобно боевому рогу древних королей Севера:

«Если кто-то упадёт — мы несём его, пока бьётся сердце!»

«Если кто-то предаст...»

Он сделал паузу, достаточную, чтобы каждый представил себе последствия этого слова...

«Мы казним его быстро!»

«Честно!»

«Без пощады!»

«Потому что мы "Серые Волки"! А волки никогда не сдаются!»

«Волки помнят!»

«Даже когда память умирает...»

«Даже когда имя исчезает...»

«Даже когда пустота зовёт...»

«Волки помнят!»

«Это наше имя!»

«Это наша плата!»

«Это наша надежда...»

Последние слова он произнёс уже тише обычного человеческого голоса, до шёпота, похожего на молитву жреца над могилой друга, но благодаря тишине долины их услышали все до единого человека.

Эхо его слов ещё висело в воздухе, когда он резко оборвал речь, опустил руку, развернулся на каблуках сапог Рагнара (которые были ему велики) и пошёл прочь от помоста обратно к своему шатру.

Толпа стояла неподвижно ещё несколько долгих мгновений после его ухода. Ветераны смотрели ему вслед со смешанным чувством уважения и той самой тревоги, о которой говорила Лис: они боялись того дня «когда он дрогнет». Новобранцы смотрели ему вслед со слепым ужасом вперемешку с отчаянной надеждой: надеждой выжить любой ценой под защитой этого страшного человека.

Когда Эйнар вошёл обратно под полог своего шатра, внутри было сумрачно. Ирис сидела у дальней стенки шатра, прислонившись спиной к центральному шесту, свернувшись калачиком на ворохе шкур. Она не подняла головы при его появлении. Она смотрела куда-то мимо своих рук, или просто закрыла глаза от усталости, или пыталась спрятать от него слёзы, которые всё равно текли по её щекам, оставляя влажные дорожки на покрытой пылью коже.

Эйнар остановился у входа. Полумрак шатра скрывал выражение его лица, превращая его в маску, но Ирис чувствовала исходящую от него волну усталости — такую глубокую, что казалось, она может поглотить весь мир, оставив после себя лишь пустоту, которая теперь стала его вторым именем.

Она молчала долго. Так долго, что время перестало существовать для них обоих. Напряжение стало невыносимым. Наконец она подняла голову и открыла глаза. Её глаза были сухими, но полными такой боли, какой Эйнар никогда раньше не видел даже в самые тёмные дни их совместного пути. Это была не физическая боль, не боль от ран или усталости. Это была боль преданной души, которая смотрит на любимого человека и видит в нём чужое, страшное, незнакомое лицо.

Она смотрела на него снизу вверх, потому что он стоял у входа, а она сидела на шкурах. И её взгляд был взглядом женщины, которая только что потеряла веру во что-то очень важное. Возможно, в будущее. Возможно, в него. Возможно, в саму возможность любви в мире, где правят только холодная логика войны и страх.

Она медленно, с трудом поднялась на ноги. Каждое движение давалось ей тяжело, словно она несла на плечах груз, который весил больше, чем все доспехи Рагнара, надетые на Эйнара. Она сделала несколько быстрых шагов к нему, сокращая расстояние между ними. В её глазах не было слёз — только сухая ярость человека с разбитым сердцем, человека, который наконец осознал правду, которую так долго пытался игнорировать.

Она остановилась вплотную к нему и без предупреждения ударила его ладонью по груди со всей силы отчаяния и бессилия перед его холодной логикой войны, перед той стеной, которую он возвёл между собой и миром, перед той пустотой, которая пожирала его изнутри.

Удар не был сильным физически для воина в доспехах Рагнара, которые он так и не снял. Сталь глухо звякнула, но не прогнулась. Однако этот удар бил точно в цель — в ту самую броню вождя, за которой прятался человек, которого она когда-то любила, или, возможно, любила до сих пор, вопреки всему. Этот удар был призывом к нему, последней попыткой достучаться до того, кто ещё оставался живым внутри этой стальной скорлупы.

— Ты убил его не ради дисциплины, — её голос звучал с холодной яростью, которая пугала больше любого крика. Она обращалась не только к нему, но и ко всему миру, ко всей

этой проклятой войне, которая пожирала души людей одного за другим. — Ты убил его ради страха. Ты показал им не закон, — она сделала паузу, смотря ему прямо в глаза снизу вверх, не отступая ни на дюйм, — а свою жестокость. Ты думаешь, — её голос стал тише, почти шипением змеи, — что если ты будешь достаточно страшным, они будут тебе верны? Ты ошибаешься.

Эйнар смотрел на неё сверху вниз. Его лицо оставалось непроницаемым, но где-то глубоко во льду его глаз мелькнула тень боли при слове «жестокость». Это слово попало в цель, как стрела, выпущенная из лучшего лука. Он почувствовал, как что-то внутри него сжалось, как пустота в груди стала чуточку шире. Он попытался сохранить контроль, но она видела эту трещину.

— Ты не понимаешь, — ответил он так же тихо, его голос был похож на скрежет камней друг о друга. — Милосердие сейчас — это яд.

Он сделал шаг вперёд, нависая над ней всей своей массивной фигурой, заполняя собой всё пространство шатра. Он хотел подавить её своим присутствием, заставить отступить, заставить замолчать, как он заставлял замолчать новобранцев и смутьянов. Он оставлял ей лишь маленький островок личного пространства, который она яростно защищала своим взглядом, не отступая ни на дюйм.

— Оно убьёт их всех через неделю, — продолжил он, — когда они решат украсть последний мешок зерна.

Он говорил о цифрах, о выживании отряда, о математике войны, где одна жизнь стоит меньше, чем провиант для сотни раненых детей Домена Щита, которых они поклялись защищать. Его логика была безупречна, как сталь его меча. Холодна, остра, смертоносна. Но Ирис говорила о другом — о цене души солдата, о цене души командира, о том моменте, когда человек переступает черту, за которой нет возврата к свету.

Она видела эту черту сейчас прямо перед ним, и он стоял одной ногой за ней, балансируя над пропастью тьмы Корвуса, которую они так долго выжигали огнём своих мечей. Она видела, как эта тьма просачивается в него через каждую рану, через каждый шрам, через каждую казнь. Она видела, как он становится тем, кого поклялся уничтожить.

Её ярость достигала пика. Она больше не могла говорить словами — слова казались ей слишком слабыми, слишком пустыми для того ужаса, который она видела перед собой. Не любимого мужчину, а Зеркального Пророка, пустого внутри человека без руки, который становится монстром ради спасения других монстров.

Она сделала последний шаг вперёд, сокращая дистанцию до предела. Так близко, что её дыхание касалось его подбородка сквозь прорези шлема Рагнара. И она сказала ему то единственное слово-удар, которое било сильнее любого клинка, которое могло разрушить ту стену, которую он так тщательно возводил вокруг своего сердца.

— Трус.

Это обвинение выбило почву из-под ног даже такого человека, как Эйнар Пустой. Это слово ударило по самому больному месту — по страху показаться слабым перед лицом тех

самых новобранцев, которых он только что запугал до полусмерти. По страху признать, что его жестокость была не силой, а слабостью. По страху, что он действительно становится Корвусом.

В этот момент произошёл слом. Не физический слом костей или доспехов — слом внутреннего контроля Эйнара над той тьмой, что жила внутри него со времён Трона Призраков.

Его старая рана на плече, полученная в битве и заражённая скверной, отозвалась не тупой болью, как обычно, а ослепительной вспышкой чистого белого жара, смешанного с ледяным холодом. Она пронзила всё тело от макушки до пяток, выжигая разум, заставляя его кричать, хотя он не издал ни звука.

Это была агония скверны, которая годами спала внутри него, дремля в его крови, в его костях, в его душе. Но теперь она пробудилась от всплеска эмоций — ярости Ирис, собственного страха Эйнара быть названным трусом перед самим собой, и ледяного одиночества вождя, который должен вести за собой людей, но не может даже спасти самого себя.

Скверна внутри него реагировала на всплеск эмоций. Это была не контролируемая магия, как у целителей Домена Щита, а неконтролируемый выброс первобытной силы, подобный извержению вулкана. Силы, которая питалась тьмой, страхом, отчаянием. Силы, которая ждала своего часа, чтобы вырваться наружу.

Проявление магии:

Воздух вокруг Эйнара начал дрожать и искажаться, словно само пространство пыталось скрутиться в узел рядом с ним. Его левая культия начала пульсировать чёрным светом под одеждой, пробиваясь сквозь плотную кожу наружу тусклым маслянистым сиянием скверны. Это был тот самый шрам, который он получил у Трона Призраков, плата за свою победу. Плата, которая оказалась гораздо выше, чем он предполагал.

Из-под доспехов на правом плече, там, где была рана, начала сочиться густая чёрная дымка, маслянистая тёмная энергия, похожая на жидкую тьму. Скверна пыталась вырваться наружу через старый шрам-ворота, как змея из норы, готовая ужалить любого, кто окажется рядом.

Визуальный эффект:

Пыль вокруг его ног начала закручиваться в маленькие вихри, вопреки отсутствию ветра. Сама материя мира реагировала на пробуждение древней силы внутри него. Люди в первых рядах, если бы они были здесь, отшатнулись бы от невидимой волны холода или жара, которая исходила от командира Пустого. Воздух стал тяжёлым, трудно дышать. Казалось, что само время замедлилось рядом с ним. Слышался низкий гул, похожий на звон натянутой до предела струны мироздания.

Внутри шатра тени начали жить своей жизнью. Они вытягивались вверх вопреки источнику света за спиной Эйнара. Они становились гуще, плотнее, почти осязаемыми. Они тянулись к нему своими длинными пальцами-щупальцами, ластились к нему как верные псы, готовые убивать по его приказу. Они были частью его самого. Это тени Корвуса нашли новый дом, новое пристанище в душе человека, который поклялся их уничтожить. Это пустота звала своего хозяина домой. Это была цена победы у Трона Призраков, которая пришла за своим долгом.

Он думал, что заплатил её рукой. Но цена всегда выше. Она всегда требует душу целиком. Он стал сосудом для этой силы, сам того не желая. Он стал оружием более страшным, чем любой обсидиановый клинок. Он стал тем, кого поклялся уничтожить. Он стал Пустым человеком во всех смыслах этого слова. Пустота внутри него разрослась настолько, что начала просачиваться наружу через поры кожи, через глаза, через шрамы, через саму душу, превращая его живую плоть в проводник для древней магии зеркал.

Эта магия питалась страхом, отчаянием, смертью, которую он нёс вокруг себя, как чумной доктор носит свой пропитанный благовониями плащ. Но вместо благовоний здесь пахло озоном, горелым металлом, сладковатой гнилью скверны, которая поднималась выше плеча, выше локтя, выше сердца, прямо к горлу, чтобы забрать то последнее, что осталось человеческого.

Она хотела превратить его в идеального лидера, идеального тирана, идеального монстра, который будет править железной рукой. Потому что только так можно удержать этот мир от падения во тьму. Но цена этого удержания — это падение самого удерживающего во тьму, которая намного чернее, чем тьма врага. Потому что это тьма собственных решений, собственных жертв, собственной души, проданной за выживание других.

Лис была права. Он тот, кого будут проклинать при жизни. Но цена, которую он платил, была слишком высока даже для него. Он чувствовал, как эта сила рвётся наружу. Она хотела крови, она хотела хаоса, она хотела, чтобы он отпустил поводья хотя бы на секунду, чтобы посмотреть, как мир сгорит дотла. Потому что огонь — это её стихия, стихия пустоты, стихия зеркал, которые отражают лишь худшее, что есть в человеке.

А сейчас худшее отражалось именно в нём самом. Он видел своё отражение в глазах Ирис, стоящей перед ним. Он видел там чудовище, которое она боялась, которое она ненавидела, которое она всё ещё пыталась любить вопреки всему, вопреки логике, вопреки войне, которая всегда побеждает чувства. Война всегда требует жертв. Война всегда берёт свою плату частями души, которые ты оставляешь гнить у обочины дороги, по которой идёшь к победе. Но эта дорога вела в никуда. Эта дорога вела прямо в бездну, из которой нет возврата.

Неосознанный удар:

Эйнар, потерявший контроль над собой, сделал резкий произвольный жест культий в сторону Ирис. Это было инстинктивное движение человека, пытающегося защититься от удара словом, или просто выплеснуть рвущуюся наружу энергию через конечность, которой нет, но которая существовала как фантомная боль, ставшая реальной силой, способной убивать.

Волна силы:

От культи исходила невидимая ударная волна чистой магической энергии скверны. Называйте это как угодно — скверна, пустота, зеркала, отчаяние, — но суть была одна. Это была концентрированная воля командира Пустого, вырвавшаяся из-под контроля разума и ставшая физическим явлением.

Результат для Ирис:

Ударная волна сбила Ирис с ног, потому что она стояла вплотную к нему, и отбросила её назад со скоростью выпущенного из баллисты камня. Она пролетела несколько метров по воздуху, словно тряпичная кукла. Её тело ударилось о деревянный опорный столб шатра с такой силой, что столб треснул, и она упала плашмя на утоптанную землю лагеря.

Воздух был выбит из её лёгких. Она лежала оглушённая, пыль забивалась в рот, нос, глаза. Она пыталась вдохнуть, но могла только хрипеть. Перед глазами плыли цветные круги. Она была жива, но чувствовала себя так, словно её переехал обозный фургон. Боль пронзала спину при попытке пошевелиться. Но главное — боль пронзала сердце, потому что она увидела подтверждение своих слов. Она увидела истинное лицо монстра, который прятался за маской любимого мужчины.

Результат для окружения:

В радиусе нескольких метров от Эйнара всё замерло. Несколько новобранцев, стоявших поблизости и привлечённых криками, упали на колени, хватаясь за головы от внезапного приступа панического ужаса. Магия давила не только на тело, но и на разум, выпуская наружу самые потаённые страхи каждого, кто оказался рядом. Страх темноты, страх одиночества, страх предательства, страх смерти, страх стать ничем, страх увидеть своё истинное отражение, которое всегда отвратительно. Эта магия питалась этими эмоциями, поэтому люди чувствовали себя опустошёнными, парализованными.

Лошади под седоками вставали на дыбы, ржали, пытались вырваться из рук коноводов, но те сами едва стояли на ногах, удерживая поводья дрожащими руками. Ветераны-«Волки» были более стойкими, но даже они чувствовали давление. Им хотелось бежать без оглядки, спрятаться, залезть под камень, лишь бы не чувствовать этот взгляд этого бога войны, который перестал быть человеком, который стал чем-то иным, чем-то древним и голодным.

Лис, единственная, кто сохраняла относительное спокойствие, смотрела на происходящее своим единственным глазом, который сузился до щёлочки. Она видела подобное раньше, возможно, даже хуже. Она понимала природу этой силы. Она понимала цену, которую платил Эйнар. Но понимание не отменяло ужаса ситуации. Командир только что чуть не убил своего самого близкого человека. Единственного человека, который связывал его с миром живых. Единственного человека, который мог спасти его душу. А теперь эта связь была порвана. Теперь между ними была пропасть, заполненная чёрным дымом скверны.

Рагнар, который находился чуть дальше, чувствовал эхо этой силы. Оно резонировало с той скверной, которая уже жила внутри него, поднимаясь выше локтя, выше плеча, к сердцу. Он чувствовал родство с этой мощью. Но это родство пугало его до дрожи, потому что он знал, чем это заканчивается. Он знал финал этого пути. Финал, который ждал их всех, если они позволят этому продолжаться. Финал, который ждал самого Эйнара, если никто его не остановит. Финал, который ждал мир, если Пустой Человек станет Чёрным Зеркалом, новым Корвусом, новым тираном, которого они поклялись свергнуть.

Ворн просто матерился сквозь зубы. Он был солдатом, а солдаты верят в сталь, а не в магию. Но сейчас сталь была бесполезна против того, что происходило. Против того, кем становился его друг. Против той пустоты, которая смотрела на мир через глаза Эйнара Пустого.

Реакция Эйнара:

В этот момент, когда волна силы иссякла, когда пыль начала оседать, когда наступила звенящая тишина, нарушаемая лишь испуганным дыханием сотен людей и стонами раненых, Эйнар увидел результат своего действия.

Он увидел лежащую в пыли Ирис.

Ужас от осознания того, что он сделал, накрыл его ледяной волной, отрезвляя мгновенно лучше любого ведра холодной воды, лучше любого окрика Ворна, лучше любой проповеди о чести.

Магия тут же прекратилась. Дрожь воздуха исчезла. Тени втянулись обратно под землю или просто растворились, возвращаясь туда, откуда пришли, обратно внутрь него самого, обратно в пустоту, которая теперь стала ещё чуточку больше, ещё чуточку голоднее.

Доспехи Рагнара перестали давить своей тяжестью. Хотя вес стали остался прежним, изменилось восприятие, изменилось чувство собственного тела, которое только что было проводником для чего-то чуждого, нечеловеческого, страшного. Рука-культи пульсировала обычной тупой болью, напоминая о цене победы, которую пришлось заплатить там, у Трона Призраков. Но теперь эта цена казалась ничтожной по сравнению с тем долгом, который предъявила ему сегодня пустота.

Долг, который исчислялся жизнями тех, кого он любил. Долг, который исчислялся осколками собственной души. Долг, который исчислялся предательством всего, во что он верил. Долг, который исчислялся превращением спасителя в спасаемого. Долг, который исчислялся превращением героя в злодея. Долг, который исчислялся превращением света во тьму. Долг, который исчислялся превращением любви в ненависть. Долг, который исчислялся превращением жизни в выживание любой ценой.

Ценой потери самого себя. Ценой потери души. Ценой потери права называться человеком.

Цена лидерства оказалась непомерно высокой. Лис была права: он платил её сполна. Но теперь казалось, что даже всей жизни, всей крови, всех казней, всех побед будет недостаточно, чтобы покрыть этот счёт. Счёт, предъявленный самой пустотой. Счёт, предъявленный зеркалом, которое показало ему правду, которую он так долго пытался игнорировать. Правду о том, кем он становится. Кем он уже стал. Кем ему предстоит стать, если ничего не изменится. Если этот путь продолжится. Если война никогда не кончится. Если пустота окончательно заберёт их всех.

Или пока они сами не станут пустотой, чтобы победить её изнутри. Но разве можно победить тьму, став тьмой? Разве можно победить монстра, превратившись в монстра? Разве можно спасти мир, потеряв собственную душу? Разве можно вести людей к свету, если твой собственный свет погас навсегда?

Разве можно требовать дисциплины, верности, чести от других, если ты сам продал свою честь за возможность выжить ещё один день, ещё один бой, ещё одну битву? Разве можно требовать милосердия, если твоё собственное сердце превратилось в камень? Разве можно требовать любви, если твоя душа стала пустой, как обсидиановый протез, который ты сорвал со

своей руки там, у Трона Призраков? Разве можно требовать веры, если ты сам перестал верить во всё, кроме необходимости убивать или быть убитым? Разве можно требовать надежды, если твоя собственная надежда умерла вместе с последним криком Кнуда?

Она умерла вместе с последним ударом топора Ворна, когда голова мародёра покатилась по серой пыли. Она умерла вместе с последним взглядом Ирис, полным ужаса, разочарования, боли, ненависти, любви и прощения, которого он никогда бы не принял, если бы осознал его цену. Цена оказалась слишком высокой. Цена оказалась непомерной. Цена оказалась окончательной.

Война продолжалась. А пыль под ногами солдат молчала. Потому что пыль умеет хранить тайны. А главная тайна любой войны заключается в том, что победителей нет. Есть только выжившие, которые несут свою боль дальше, пока пустота окончательно не заберёт их всех.

Или пока они сами не станут пустотой, чтобы победить её изнутри.

Но разве это победа? Разве это жизнь? Разве это то, ради чего стоило начинать этот поход? Разве это то, ради чего стоило проливать кровь? Разве это то, ради чего стоило ломать нос Корвусу? Разве это то, ради чего стоило водружать знамя над цитаделью? Разве это то, ради чего стоило выживать?

Ответ был прост. Ответ был страшен. Ответ был написан чёрным дымом скверны, сочащимся из-под доспехов. Ответ был написан ужасом в глазах Ирис, которая лежала в пыли, пытаясь вдохнуть. Ответ был написан на лицах ветеранов, которые отшатнулись от него. Ответ был написан в пустоте, которая теперь стала его единственным спутником.

Эйнар стоял неподвижно, глядя на Ирис. Он хотел подойти к ней, помочь ей подняться, стереть пыль с её лица, попросить прощения. Но он не мог заставить себя сделать ни шагу. Потому что он боялся, что если он прикоснётся к ней, то испачкает её своей тьмой. Он боялся, что она увидит в его глазах не любовь, а пустоту. Он боялся, что она окончательно отвернётся от него.

Он стоял и смотрел на неё, а внутри него разрасталась ледяная тишина, которая была громче любого крика, тяжелее любой битвы, страшнее любой смерти. Он был один. Как и всегда. Пустой. Как и всегда.

Война продолжалась. А он продолжал идти по этой дороге, которая вела в бездну. И он знал, что обратного пути уже нет.

****Глава 64. Цена контроля****

АКТ I. Осколки тишины (Утро после бури)

****Сцена 1. Эхо пустоты****

Рассвет не принёс облегчения. Небо над лагерем «Серых Волков» было свинцовым, но воздух внутри командирского шатра казался тяжелее самого плотного тумана. Здесь пахло озоном, горелым металлом и сладковатой гнилью — запахом скверны, которая только что вырвалась из-под контроля Эйнара. В центре этого урагана стояла звенящая тишина.

Эйнар стоял неподвижно, словно статуя древнего идола, вырубленная из серого камня. Его правая рука, сжимавшая рукоять меча Рагнара до побелевших костяшек, медленно разжалась. Клинок со стуком упал на утопанную землю. Звук удара показался оглушительным в вязкой тишине. Командир даже не посмотрел на оружие. Его взгляд был прикован к фигуре у опорного столба шатра.

Ирис сидела на полу, прислонившись спиной к треснувшему деревянному шесту. Столб раскололся вдоль от чудовищной магической волны, но каким-то чудом устоял, удерживая тяжёлый полог. Женщина прижимала ладонь к груди, пытаясь вдохнуть. Воздух со свистом входил и выходил из её лёгких, но ей казалось, что она задыхается. Перед глазами всё ещё плясали разноцветные круги, а тело ощущалось ватным, чужим. Она была жива. Это было главным чудом. Но страх, ледяной и липкий, сковал её сильнее любых цепей. Она смотрела на Эйнара не как на любимого мужчину, а как на стихийное бедствие — ужасающее и неотвратимое.

Эйнар сделал крошечный шаг вперёд. Движение далось ему с трудом, будто он шёл против ураганного ветра. Он опустился перед ней на одно колено, пачкая дорогой кожаный набедренник в дорожной пыли. Его огромная фигура заслоняла свет, превращая его лицо в маску из игры света и тени.

— Ирис... — голос прозвучал хрипло, сорванно. Это был шёпот человека, увидевшего бездну и заглянувшего в неё слишком глубоко. — Ты... ты цела?

Он протянул руку, чтобы коснуться её щеки, но пальцы замерли в сантиметре от кожи. Они дрожали. Эйнар смотрел на свою правую руку так, словно та принадлежала кому-то другому. Словно это она, по собственной воле, нанесла удар.

Ирис вздрогнула от движения воздуха. Её глаза, сухие и воспалённые, встретились с его взглядом. Там, в глубине серой стали его глаз, плескалась такая первобытная паника, какой она никогда раньше не видела. Это был страх не перед врагом, а перед самим собой. Она хотела отстраниться, отползти назад, но сил не осталось. Поэтому она просто закрыла глаза.

— Не трогай меня, — выдохнула она едва слышно. Слова царапнули пересохшее горло. — Никогда больше не смей ко мне прикасаться.

Это был приговор. Хуже любого топора Ворна. Эйнар отшатнулся, как от пощёчины. Его рука безвольно упала на бедро. Маска вождя, которую он носил последние дни, осыпалась прахом. Под ней остался лишь смертельно уставший человек, чья душа кровоточила.

****Сцена 2. Вторжение стражей****

Полог шатра откинулся с резким звуком, впуская внутрь холодный утренний воздух и запах дыма лагерных костров. На пороге возникли две фигуры: Лис и Ворн. Оба были вооружены и готовы к бою. Лис держала нож обратным хватом, её единственный глаз сканировал пространство с холодной эффективностью хищника. Ворн уже заносил свой огромный боевой топор, готовый опустить его на любую угрозу.

Они застыли, оценивая картину. Разбитый столб. Сидящая на полу Ирис, бледная как смерть. И Эйнар, стоящий на коленях посреди шатра, похожий на поверженного короля.

— Что здесь произошло? — прорычал Ворн. Его бас разнёсся по шатру, разрушая остатки зловещего молчания. — Мы почувствовали толчок. Как будто сама земля содрогнулась.

Лис молча прошла мимо них, подошла к Ирис и бесцеремонно взяла её за подбородок, поворачивая голову из стороны в сторону, осматривая шею и плечи на предмет повреждений. Её прикосновение было профессиональным и лишенным сочувствия.

— Жить будет, — констатировала разведчица, выпрямляясь. — Синяк на скуле и ушиб рёбер. Ничего не сломано.

Она перевела взгляд на Эйнара. Тот медленно поднялся на ноги. Теперь, когда адреналин схлынул, он чувствовал себя выжатым досуха. Скверна внутри него затихла, свернувшись холодным, голодным клубком где-то под сердцем.

— Это был выброс, — глухо сказал Эйнар, глядя в пустоту. — Я потерял контроль. Всего на секунду. Она назвала меня трусом...

Его голос дрогнул. Он поднял левую культю, демонстрируя чёрный, маслянистый шрам, который теперь пульсировал тупой болью в такт ударам сердца.

— Оно ответило. Оно всегда отвечает на сильные эмоции. Гнев. Страх. Боль. Оно питается ими.

Ворн сплюнул себе под ноги вязкую слюну цвета ржавчины.

— Проклятье, парень. Если ты будешь взрывать лагерь каждый раз, когда кто-то назовёт тебя плохим словом, мы далеко не уйдём.

— Заткнись, Ворн, — ровным голосом сказала Лис, не отрывая взгляда от командира. — Это не шутки. То, что сидит в нём... оно растёт. Каждый бой, каждая казнь, каждое тёмное решение кормит эту тварь. Сегодня она проснулась. Завтра она может не уснуть вовсе.

Эйнар наконец посмотрел на них. В его глазах не было вызова, только бесконечная усталость.

— Тогда научите меня, как её убить, — тихо произнёс он. — Потому что если я стану тем, кого мы поклялись уничтожить... лучше пусть Корвус выйдет из клетки и сам перережет мне глотку.

****Сцена 3. Исход****

Ворн грубо, но бережно помог Ирис подняться на ноги. Она оттолкнула его руку, стоило ей обрести равновесие, и бросила на Эйнара последний долгий взгляд. В этом взгляде смешались любовь, ненависть и всепоглощающий ужас. Затем она развернулась и вышла из шатра, гордо расправив плечи, хотя каждый шаг давался ей через боль.

Эйнар остался один. Он поднял с пола меч Рагнара. Сталь была идеально чистой, ни пятнышка крови вчерашнего мародёра или сегодняшней скверны. Меч воина должен быть чист, даже если душа чернее ночи. Он вложил клинок в ножны. Механически проверил ремни портупеи, поправил перевязь. Эти привычные действия возвращали ему подобие контроля. Солдатская сталь. Солдатская правда. Прямая, жестокая, но честная. Ему нужно было именно это сейчас.

Он вышел наружу. Лагерь гудел, как растревоженный улей. Новобранцы жались по краям, стараясь не попадаться на глаза ветеранам-«Волкам». Те стояли плотным строем, их лица были непроницаемы. Они видели своего бога войны в момент слабости. И они боялись того дня, когда эта слабость станет силой, направленной против них самих.

Эйнар прошёл сквозь расступающуюся толпу к центральному помосту. Люди отводили взгляды. Никто не смел смотреть ему в глаза. Он поднялся наверх, окидывая взглядом своё войско. Рагнар стоял впереди, опираясь на меч. Левая рука старого воина висела плетью, скверна поднималась выше локтя, но взгляд был ясен и предан.

Речь командира была короткой. Никаких красивых слов.

— Выступаем через час, — голос Эйнара звучал ровно, лишённый эмоций. — Раненые едут в повозках. Способные держать оружие идут пешком. Мы идём одной колонной. Одной

судьбой. Если кто-то упадёт — несём. Если кто-то предаст — казним быстро. Честно. Без пощады. Потому что мы «Серые Волки». А волки никогда не сдаются.

Он замолчал. Обвёл толпу тяжёлым взглядом. Ветераны смотрели каменно, новобранцы — со смесью ужаса и отчаянной надежды. Надежда выжить любой ценой. Даже если цена — идти за человеком, который чуть не убил собственную возлюбленную.

Эйнар спустился с помоста и пошёл прочь, не оглядываясь. Война продолжалась. И пыль под ногами солдат молчала, потому что война не кончена.

АКТ II. Ущелье Отражённого Света

Сцена 4. Марш в неизвестность

Отряд покинул разорённый лагерь. Дорога вела на север, петляя между скалистыми холмами, которые постепенно перерастали в суровые горы Последнего перевала. Ландшафт менялся: зелёные луга уступали место чахлому кустарнику, а затем — голому, изъеденному ветрами камню. Солнце окончательно выбралось из-за горизонта, но тепла не приносило; бледный диск лишь подчёркивал безжизненность пейзажа.

Эйнар шёл во главе колонны, рядом с Ворном. Лис и Лира ушли далеко вперёд, растворившись среди скал, ведя разведку. Рагнар замыкал строй, тяжело опираясь на плечо молодого оруженосца. Напряжение между командиром и целительницей ощущалось физически. Ирис шла вместе с обозом раненых, демонстративно избегая приближаться к голове колонны. Когда их пути пересекались, она отворачивалась, делая вид, что занята перевязкой больного.

Эйнар видел это. Каждое такое движение отзывалось тупой болью в груди, куда не могла добраться никакая скверна. Он хотел подойти, объяснить, извиниться. Но слова застряли в горле. Любое оправдание прозвучало бы как попытка переложить вину. «Я не хотел» — это ложь. Он хотел. В тот миг ярости он хотел стереть обиду, доказать свою правоту, показать силу. И сила ответила. Она всегда отвечала.

— Командир, — низкий голос Ворна вырвал его из мрачных мыслей. Старый воин указал топором на узкое ущелье впереди. Каньон сужался, стены сходились почти вплотную, оставляя проход шириной в три телеги. Идеальное место для засады. — Узко. Паршиво. Лис должна проверить.

— Она знает, — коротко бросил Эйнар, не сбавляя шага. — Если там враг, мы узнаем об этом первыми.

Через десять минут ожидания, пока хвост колонны втягивался в ущелье, вернулась Лис. Она двигалась легко, несмотря на сложный рельеф. Её плащ развевался на ветру.

— Чисто, — доложила она, подходя ближе. — Ни следов стоянки, ни патрулей. Но есть кое-что странное.

Она достала из поясной сумки небольшой осколок стекла. Не обсидианового, чёрного и матового, а обычного, прозрачного, но мутного, словно запотевшего изнутри. По поверхности осколка пробегали едва заметные радужные всполохи.

— Нашла в трещине скалы. Похоже на то, из чего делали зеркала в монастыре. Только этот... живой. Он тёплый. И он жётся, если сжать слишком крепко.

Эйнар взял осколок. Едва его пальцы коснулись гладкой поверхности, мир вокруг на мгновение поплыл. Он увидел отражение: не своё усталое лицо, а тронный зал Корвуса, объятый пламенем. Видение исчезло так же внезапно, как появилось. Шрам на левой руке отозвался острой, тянущей болью.

— Магия зеркал, — прошипел он, передавая находку обратно Лис. — Эрик мёртв, но дело его живёт. Кто-то собирает эти осколки. Собирает силу.

— Значит, мы на верном пути, — заключил Ворн. — И чем дальше мы зайдём, тем горячее будут встречи.

Колонна двинулась вглубь ущелья. Каменные стены нависали над головами, закрывая небо. Солнечный свет пробивался тонкими лучами сверху, создавая причудливую игру теней на дне каньона. Воздух стал сухим и горячим, пахло нагретым камнем и пылью. Идти приходилось плотной группой, плечом к плечу. Это раздражало ветеранов, привыкших к свободе манёвра, но Эйнар приказал держать строй. Дисциплина — хребет армии.

****Сцена 5. Первая атака: Искривление реальности****

Атака началась беззвучно. Не было свиста стрел или криков нападающих. Просто одна из теней на стене ущелья вдруг отделилась от камня и приобрела объём. Фигура в тёмной мантии соткалась прямо из горячего воздуха на высоте десяти метров над землёй. Капюшон скрывал лицо, но Эйнар чувствовал на себе чужой, изучающий взгляд.

Мгновение спустя вниз полетели не камни и не копья. С кончиков пальцев волшебника сорвались сферы чистого, концентрированного света. Они не летели по прямой, а двигались хаотично, рикошетируя от стен ущелья, словно бильярдные шары, запущенные безумцем.

Первая сфера ударила в землю в пяти метрах перед авангардом. Мгновенная вспышка — и участок каменистой почвы превратился в гладкое, хрупкое зеркало, которое тут же пошло трещинами и рассыпалось стеклянным крошевом. Вторая сфера пролетела над головой отряда, и сухая трава на склоне мгновенно иссохла, превратившись в серый пепел, который тут же развеял ветер.

— Щиты! — заревел Ворн, но приказ был лишним. Ветераны инстинктивно сомкнули ряды, подняв щиты над головами, формируя «черепаху».

Третья сфера угодила точно в центр построения. Удар был беззвучным, но эффект — разрушительным. Пространство внутри «черепахи» исказилось. Воинам показалось, что их тела растягиваются, кости становятся мягкими, а внутренности выворачиваются наизнанку. Несколько человек закричали, падая на колени. Один из новобранцев схватился за шлем и рухнул ничком, его рвало кровью.

Эйнар почувствовал, как скверна внутри него вострепелась. Она узнала родственную силу. Эта магия была похожа на его собственную, но упорядоченной, подчинённой строгой геометрии зеркал. Она была чистой смертью.

— Лис! Лира! Наверх! — крикнул Эйнар, перекрывая шум. — Найдите источник! Их нужно сбросить!

Разведчицы кивнули и, используя трещины в скалах, начали стремительный подъём по отвесной стене, обходя зону поражения.

Тем временем из-за поворота ущелья появились новые маги. Три, пять, семь фигур. Они парили в воздухе, ступая по невидимым платформам. Их посохи из чёрного стекла были направлены на сгрудившийся отряд.

Четвёртая сфера ударила в щит одного из ветеранов. Металл мгновенно потёк, как горячий воск, обжигая руки солдата. Тот с воплем отбросил ставший бесполезным кусок металла.

Эйнар понял: стоять на месте — значит умереть. Обычное оружие здесь бессильно.

— Рассредоточиться! — приказал он. — Бегите зигзагами! Не давайте им прицелиться! Ворн, держи левый фланг! Рагнар, правый!

Сам он выскочил из-под защиты щитов, привлекая внимание врагов. Он побежал вперёд, навстречу летящим сферам, петляя, как заяц. Скверна внутри него начала нагреваться, требуя выхода.

Один из магов заметил одинокую фигуру и направил на неё посох. Ярчайший луч света ударил туда, где долю секунды назад был Эйнар. Командир ушёл в перекат, чувствуя, как жар опалает спину. Земля там, где он только что лежал, превратилась в стекло.

Эйнар остановился, тяжело дыша. Он был открыт. Все семь магов направили свои посохи на него. Семь лучей смерти сошлись в одной точке. Время замедлилось. Он видел, как частицы света летят к нему, прожигая воздух.

И тогда он сделал единственное, что мог. Он перестал бежать. Он встал прямо, раскинув руки, принимая удар. Скверна внутри него взвыла от восторга и страха. Она рванулась наружу, навстречу чужой магии.

Столкновение было подобно рождению сверхновой. Вспышка белого света, настолько яркого, что выжгла сетчатку у всех, кто смотрел в ту сторону. Взрывная волна швырнула воинов на камни. Когда зрение вернулось, люди увидели невероятную картину.

Там, где стоял Эйнар, образовался идеальный круг выжженной земли диаметром в двадцать шагов. Самого командира нигде не было видно. Над местом столкновения в воздухе висело облако абсолютной тьмы, которое медленно вращалось, поглощая лучи света, пущенные магами. Это была чистая пустота, антиматерия, созданная встречей двух противоположных сил.

Из облака тьмы шагнула фигура. Эйнар. Его левая культя истекала чёрным дымом, который стекал по доспехам на землю, шипя, как кислота. Лицо его было искажено гримасой боли и нечеловеческого напряжения, но глаза горели диким, торжествующим огнём.

— Вы думали, ваша игрушечная магия страшнее моей?! — проревел он, и его голос, усиленный эхом ущелья и магией, заставил задрожать сами скалы.

Он вскинул правую руку. Из центра его ладони вырвался не луч света, а копьё абсолютной тьмы. Оно врезалось в платформу ближайшего мага. Заклинание поддержки разрушилось. Чародей с коротким вскриком полетел вниз, разбиваясь о камни внизу.

Это стало сигналом. Лис и Лира достигли своей цели. Две маленькие, юркие тени обрушились на магов сверху. Зазвенела сталь. Посох из чёрного стекла оказался бесполезен в ближ-

нем бою против двух разъярённых фурий. Лис перерезала горло одному чародею точным ударом ножа, Лира вонзила кинжал в глазницу другого.

Оставшиеся маги, потеряв половину состава и столкнувшись с необъяснимой силой Эйнара, приняли единственно верное решение. Они прекратили атаку. Развернувшись, они отступили, взлетая вверх по скалам и скрываясь в лабиринте горных троп.

Битва закончилась так же внезапно, как и началась. Наступила тишина, нарушаемая лишь стонами раненых и тяжелым дыханием выживших.

****Сцена 6. Поле битвы****

Ущелье выглядело так, будто по нему прошелся гигантский ребенок-вандал. Участки земли превратились в зеркальную гладь или спеклись в вулканическое стекло. Трава и редкие деревья превратились в прах. Запах озона и палёной плоти забивал ноздри.

Потери были небольшими, но шокирующими. Пятеро убиты на месте разрывом пространства. Ещё трое получили жуткие ожоги от плавящихся доспехов. Ирис металась от одного раненого к другому, её лицо было белым от напряжения и ярости. Она спасала тех, кого можно спасти, но её взгляд, когда она проходила мимо Эйнара, был ледяным.

Эйнар сидел на валуне, привалившись спиной к тёплой скале. Он был истощён. Бой с магами выпил из него все силы. Чёрный дым скверны перестал сочиться из шрама, оставив на коже грязные разводы. Он чувствовал себя пустым сосудом.

К нему подошла Лис. Она была покрыта серой пылью, на щеке алел порез, но единственный глаз блестел азартом охоты.

— Они бежали, — доложила она, вытирая нож о штанину. — Трусливые крысы. Но они оставили следы.

Она показала ему второй осколок, найденный на теле убитого мага. Этот был крупнее и чище, а внутри него, казалось, кружилась маленькая галактика.

— И вот это, — добавила она, доставая из сумки свиток из тонкой кожи. — Карта. На ней отмечен путь к какому-то месту под названием «Алтарь Истинного Зеркала». Судя по всему, это их главная база.

Эйнар принял карту. Его пальцы дрожали. Он развернул её. Красная линия вилась через горы, заканчиваясь точкой в самом сердце хребта, недалеко от входа на Последний перевал.

— Они собирают армию отражений, — прохрипел он. — Но зачем? Корвус мёртв. Или нет?

— Живой труп в клетке нам не угроза, — фыркнул Ворн, подходя к ним. Он поддерживал хромающего Рагнара. — А вот эти ребята... Они используют новую магию. Такую я вижу впервые. Наша сталь против них — что солома против огня.

— Сталь бесполезна, — согласился Эйнар, сворачивая карту. — Но сталь — это всё, что у нас есть. Нам придётся стать умнее. Быстрее. И научиться воевать с самой реальностью.

Он встал, пошатываясь. Колонна снова пришла в движение. Нужно было уходить из этой ловушки, пока оставшиеся маги не привели подкрепление.

АКТ III. Алхимия отчаяния

****Сцена 7. Ночь в горах****

Ночь в горах наступила стремительно, принеся с собой пронизывающий холод. Отряд устроил привал в широкой седловине между двумя вершинами. Костры разжигать запретили — слишком велик риск выдать себя. Люди грелись, прижавшись друг к другу, кутаясь в трофейные плащи.

Эйнар сидел отдельно от всех, завернувшись в шерстяное одеяло. Он смотрел на звёздное небо, холодное и равнодушное. Рядом с ним, сохраняя дистанцию, села Лис. Она протянула ему флягу с водой.

— Ты сегодня спас нас, — нарушила она молчание. — Показал им, что бывает, когда связываешься с Пустым.

— Спас? — горько усмехнулся Эйнар. — Я убил пятерых наших. Своими руками. Своей тьмой. Я не контролирую её, Лис. Она контролирует меня. Я становлюсь оружием, которое рано или поздно выстрелит в своих.

— Ты не оружие, — возразила Лис, глядя в огонь маленького, спрятанного в ямке костерка. — Ты человек, которому приходится носить очень острые перчатки. Проблема не в том, что ты используешь силу. Проблема в том, *как* ты её используешь. Казнь Кнуда... это была демонстрация власти. Сегодняшний бой... это была защита. Есть разница.

— Для мёртвых разницы нет, — отрезал Эйнар. — Они лежат в земле одинаково.

Он помолчал, потом добавил тише:

— Ирис ушла от меня. По-настоящему. Я видел это в её глазах. Она боится меня, Лис. Боится той твари, которой я становлюсь.

— Она лекарь, — пожала плечами Лис. — Её задача — спасать жизни. А ты сегодня показал ей, что можешь их отнимать одним движением пальца. Ей нужно время, чтобы понять: иногда, чтобы спасти тысячу, нужно быть готовым пожертвовать одной. И иногда эта жертва — часть твоей души.

Эйнар ничего не ответил. Он понимал правоту Лис, но легче от этого не становилось. Внутри него зияла пустота, и скверна, поселившаяся там, казалась единственным способом эту пустоту заполнить.

****Сцена 8. Тактика новой войны****

На следующее утро, когда отряд продолжил марш, Эйнар собрал военный совет. Кроме постоянных членов — Ворна, Лис, Рагнара — он пригласил лучших десятников из числа ветеранов.

— Вчера мы столкнулись с врагом, которого нельзя убить мечом, — начал он без предисловий, чертя острием кинжала схему на песке. — Их магия работает на принципах отражения и преломления. Они создают зоны нестабильной материи. Чтобы победить, нам нужны контрмеры.

Он нарисовал прямую линию, обозначающую ущелье.

— Они атакуют с высоты. Преимущество позиции. Решение: Лис и Лира остаются нашей главной ударной силой. Ваша задача — не вступать в открытый бой, а уничтожать носителей магии. Тихо. Быстро. Пока они не успели сплести заклятие.

Затем он начертил круг.

— Их атаки имеют физический вектор. Сферы, лучи. Это значит, что их можно отразить или отклонить. Нам нужны щиты, но не простые. Кузнецы должны успеть до вечера сделать экспериментальные образцы. Основа — полированная сталь, но с добавлением... — он задумался, — ...осколков этих зеркал. Лис говорит, они реагируют на магию. Возможно, они смогут рассеивать энергию удара.

— А если не сработает? — спросил угрюмый десятник Ульф, ветеран с лицом, испещрённым шрамами от скверны.

— Тогда металл расплавится вместе с вашими руками, — спокойно ответил Эйнар. — Но это лучше, чем быть распылённым на атомы. Вопросы?

Вопросов не было. Армия верила своему командиру, даже если его методы граничили с безумием.

****Сцена 9. Испытание****

Испытание новых щитов состоялось вечером того же дня. Кузнецам удалось изготовить четыре прототипа: два больших ростовых и два малых, круглых. Материал представлял собой стальной лист, инкрустированный мелкой мозаикой из осколков чёрного и прозрачного стекла.

Эйнар лично вызвался испытать большой щит. Он встал в тридцати шагах от добровольца, державшего малый щит. Лис отошла в сторону, готовая вмешаться.

— Готов? — спросил Эйнар.

Воин кивнул, судорожно сжимая рукоять.

Эйнар сконцентрировался. Это было сложнее, чем призывать волну разрушения. Ему нужно было не выпустить силу, а удержать её, сформировать в плотный, управляемый поток. Он вытянул правую руку вперед, целясь в центр малого щита. Между пальцами начало формироваться облачко тьмы, которое постепенно сжималось в маленькую, вращающуюся сферу размером с яблоко.

— Давай! — крикнул он.

Воин выставил щит перед собой, зажмурившись. Эйнар выпустил заряд. Сфера тьмы ударила в центр щита. Раздался звук, похожий на звон хрустального бокала. Вспышка была ослепительной. Энергия скверны встретилась с магией зеркал, встроенных в сталь.

Когда дым рассеялся, воин стоял на ногах. Он был бледен, его трясло, но он был жив. Щит в его руках дымился. Центр щита, принявший основной удар, почернел и оплавился, превратившись в бесформенную массу. Но края остались целы. Стекло мозаики раскрошилась в пыль, но она приняла на себя основную мощь удара, не позволив энергии пройти дальше.

— Работает, — выдохнул воин, опуская щит. — Чувствую себя так, будто лошадь лягнула в грудь, но... работает.

Эйнар позволил себе лёгкую улыбку. Впервые за долгое время.

— Отлично, — сказал он. — Делайте ещё. Сколько успеете до рассвета. Завтра мы пойдём в гости к нашим друзьям-чародеям, и я хочу, чтобы у каждого второго бойца был такой щит.

АКТ IV. Штурм Алтаря

****Сцена 10. Логово врага****

Два дня спустя отряд достиг места, указанного на карте. Это была глубокая котловина в кольце неприступных скал. В центре котловины возвышалась циклопическая конструкция — «Алтарь Истинного Зеркала». Это была пирамида из цельных, идеально подогнанных друг к другу зеркал высотой с крепостную башню. Грань каждого зеркала была размером с дом. Поверхность конструкции не просто отражала свет — она искажала реальность. Глядя на неё,

начинала кружиться голова, а очертания предметов вокруг плыли, словно смотришь на мир сквозь толщу воды.

У подножия пирамиды суеились фигуры в балахонах. Десятки магов-отступников. Они проводили какой-то ритуал: водили руками по поверхности зеркал, и те отзывались низким, вибрирующим гулом. В воздухе над алтарём формировалось нечто огромное и неправильное — зародыш какого-то чудовищного существа, сотканного из чистого света и искажённого пространства.

Эйнар наблюдал за этим с вершины соседнего утеса в зрительную трубу Ворна.

— Вот почему они собирали осколки, — прошептал он. — Они строят не просто крепость. Они строят портал. Или... нового бога.

— Нам нужен план получше, чем «побежали», — проворчал Ворн, разглядывая открытое пространство перед пирамидой. Там не было никакого укрытия на сотни метров.

— План есть, — Эйнар убрал трубу и повернулся к своим офицерам. Его глаза горели решимостью. — Мы разделимся. Основная масса под командованием Ворна создаст видимость штурма в лоб. Пусть они думают, что мы идиоты. Ваша задача — продержаться минуту. Заставить их поверить, что победа близка.

— А мы? — спросила Лис.

— А мы, — Эйнар посмотрел на неё, затем на Рагнара, чей взгляд был туманным из-за поднимающейся скверны, — мы пойдём другим путём. Лис, ты знаешь эти горы. Проведи нас через западный гребень. Зайдём им в тыл. Моя сила и ваши клинки — этого должно хватить, чтобы снести основание этой штуковины.

— Это самоубийство, — констатировал Рагнар, но в его голосе не было страха, только фатальная обречённость.

— Вся наша жизнь — самоубийство, брат, — похлопал его по здоровому плечу Эйнар. — Вопрос лишь в том, ради чего мы умираем. Я предпочту умереть, остановив это, чем жить в мире, где такие зеркала смотрят на солнце.

****Сцена 11. Танец теней и света****

Штурм начался на закате. Сотня бойцов Ворна с боевым кличем ринулась вниз по склону в котловину. Они бежали открыто, не прячась. В их руках блестели новые, экспериментальные щиты. Маги на вершине пирамиды заметили их не сразу, увлечённые ритуалом.

А затем грянул гром. С верхних граней зеркал сорвались десятки смертоносных сфер. Они падали на бегущих людей, превращая камень в стекло и иссушая плоть. Но результат был иным, чем в прошлый раз. Сферы ударяли в щиты, вызывая ослепительные вспышки и расходящиеся круги искажений, но щиты выдерживали. Да, они трескались, плавились, несколько воинов упали с переломанными рёбрами от отдачи, но основная масса достигла подножия пирамиды.

Этого момента и ждал Эйнар.

Пока всё внимание магов было приковано к основному фронту, небольшая группа из пяти человек карабкалась по практически отвесной западной стене котловины. Впереди шла Лис, находя невидимые глазу выступы и трещины. За ней лез Эйнар, чьи пальцы, казалось, намертво впились в камень. Замыкали группу Рагнар, Лира и двое самых опытных скалолазов из Домена Щита.

Подъём был адским. Ветер пытался сбросить их со скалы, мелкие камни сыпались из-под ног. Рагнар дважды поскользнулся, и только нечеловеческая реакция Эйнара, успевшего схватить брата за шиворот, спасла его от падения в пропасть.

Наконец, спустя вечность, они перевалили через край площадки на верхнем ярусе пирамиды. Здесь никого не было — все защитники сосредоточились на отражении атаки снизу.

— Действуем быстро, — шепнула Лис. — У нас минута, пока они не поймут, что их обошли.

Группа ринулась по узкому парапету, опоясывающему грань пирамиды. Им навстречу выбежал одинокий часовой-маг. Он успел поднять посох, но Лис оказалась быстрее. Блеснул нож, и часовой захлебнулся кровью, падая на зеркальную поверхность.

Они оказались на крыше основания пирамиды. Прямо под ними, этажом ниже, находился эпицентр ритуала. Около десятка высших магов стояли в кругу, взявшись за руки. Они раскачивались в трансе, их голоса сливались в низком, гипнотическом песнопении. Над их головами в воздухе висела гигантская, кошмарная форма — эмбрион существа из чистого света, которое корчило и пульсировало, высасывая жизнь из окружающего мира.

Эйнар почувствовал, как скверна внутри него отзывается на зов этого создания. Они были родственными душами, обе — порождения пустоты и искажения.

— Нет времени на церемонию, — процедил Эйнар.

Он прыгнул вниз, приземлившись в центр круга магов. Ударная волна сырой, неконтролируемой скверны разлетелась во все стороны, сбивая чародеев с ног и прерывая их связь.

Начался хаос. Лира и Лис ворвались в ряды дезориентированных магов, работая ножами с хирургической точностью. Рагнар, рыча от ярости и боли (скверна добралась до его ключицы), рубил мечом направо и налево, круша кости и древки посохов.

Эйнар остался один на один с главным архимагом — высоким стариком с пронзительными голубыми глазами, в которых не было зрачков, только слепящий свет. Архимаг не испугался. Он лишь криво усмехнулся.

— Глупец, — прогремел его голос. — Ты думаешь остановить неизбежное? Мы служим Истине. Зеркало показывает лишь то, что есть. А суть вашего мира — это пустота и страдание. Мы лишь ускоряем финал!

Архимаг вскинул руки. Из его ладоней ударил не луч, а целое торнадо из чистого, режущего света. Эйнар встретил его грудью. Он не стал уворачиваться. Он расставил руки, позволяя силе течь сквозь себя. Скверна внутри него взревела, сплетаясь с энергией архимага в тугий узел противоречий.

Пространство между ними сгустилось, образовав сферу абсолютного ничто, где свет и тьма аннигилировали друг друга. Эйнар чувствовал, как его тело начинает распадаться на молекулы. Это было хуже тысячи смертей. Каждая клетка кричала от боли.

Но он держался. Он вспомнил глаза Ирис. Не те, полные ужаса, которыми она смотрела на него вчера. А другие — полные нежности и веры, там, у костра, когда всё ещё было хорошо. Он держался за этот образ, как за якорь.

Собрав остаток воли, он не стал пытаться поглотить магию архимага. Он толкнул её обратно. Всю эту колоссальную, чистую энергию света он перенаправил не на врага, а на саму структуру Алтаря.

Луч чистой аннигиляции ударил в зеркальную грань позади архимага. Зеркало не выдержало. Вместо того чтобы отразить удар, оно впитало его и взорвалось изнутри. Миллиарды острых, как бритва, осколков разлетелись во все стороны, разрезая всё на своём пути. Архимаг погиб мгновенно, превратившись в кровавое месиво.

Взрывная волна прокатилась по всей пирамиде. Основание Алтаря дало трещину. Конструкция начала рушиться. Гигантское существо из света над пирамидой издало беззвучный визг и лопнуло, как мыльный пузырь, осыпав всё вокруг дождём из мерцающей пыли.

****Сцена 12. Бегство и трофеи****

Всё закончилось. Пирамида Алтаря Истинного Зеркала превратилась в гору искорёженного металла и битого стекла. Большинство магов внизу были либо мертвы, либо деморализованы внезапным крахом их божества. Атака Ворна увенчалась успехом — остатки вражеских сил обратились в бегство.

Эйнар лежал на спине на вершине разрушенного сооружения. Он был жив, но чувствовал себя так, будто его пропустили через мясорубку. Лис и остальные спустились к нему. Рагнар тяжело дышал, прислонившись к обломку зеркала.

— Всё, — выдохнул Эйнар. — Дело сделано.

Лис помогла ему встать. Внизу, у подножия, их встречал Ворн и ликующие солдаты.

Глава 65. Лис говорит

1. Сцена 1: Последствия магического выброса (Утро)

Рассвет, наступивший после магического выброса, был не просто свинцовым — он казался выточенным из цельного куска базальта и придавившим лагерь всей своей многотонной тяжестью. Небо над долиной было низким, серым и неподвижным, словно крышка гроба, накрывшая мир живых. Воздух, густой от запаха озона, гари сожжённых лесов и сладковато-металлического аромата свежей крови, стал вязким и тяжёлым. Он забивался в лёгкие, оседал на языке привкусом ржавчины и заставлял каждый вдох даваться с трудом.

Внутри командирского шатра стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым, прерывистым дыханием Ирис. Она сидела на полу, прислонившись спиной к центральному шесту, который треснул вдоль от удара магической волны, но каким-то чудом устоял. Эйнар стоял на коленях перед ней. Его огромная фигура заслоняла тусклый свет, пробивавшийся сквозь щели в пологе, превращая его лицо в маску из игры света и тени.

— Ирис... — голос Эйнара прозвучал хрипло, сорванно. Это был шёпот человека, заглянувшего в бездну и увидевшего там собственное отражение. — Ты... ты цела?

Он медленно протянул руку, чтобы коснуться её щеки, но пальцы замерли в сантиметре от кожи. Они дрожали. Эйнар смотрел на свою правую руку так, словно та принадлежала кому-то другому, словно это она по собственной воле нанесла удар.

Ирис вздрогнула от движения воздуха. Её глаза, сухие и воспалённые, встретились с его взглядом. Там, в глубине серой стали его глаз, плескалась первобытная паника — страх не перед врагом, а перед самим собой. Она хотела отстраниться, но сил не осталось. Поэтому она просто закрыла глаза.

— Не трогай меня, — выдохнула она едва слышно. Слова царапнули пересохшее горло.
— Никогда больше не смей ко мне прикасаться.

Это был приговор. Хуже любого топора Ворна. Эйнар отшатнулся, как от пощёчины. Его рука безвольно упала на бедро. Маска вождя осыпалась прахом. Под ней остался лишь смертельно уставший человек.

Полог шатра откинулся с резким звуком. На пороге возникли две фигуры: Лис и Ворн. Оба были вооружены и готовы к бою. Лис держала нож обратным хватом, её единственный глаз сканировал пространство с холодной эффективностью хищника.

— Что здесь произошло? — прорычал Ворн. — Мы почувствовали толчок. Как будто сама земля содрогнулась.

Лис молча прошла мимо них, опустилась на колени рядом с Ирис и бесцеремонно взяла её за подбородок, поворачивая голову из стороны в сторону.

— Жить будет, — констатировала разведчица, выпрямляясь. — Синяк на скуле и ушиб рёбер. Ничего не сломано.

Она перевела взгляд на Эйнара. Тот медленно поднялся на ноги. Теперь, когда адреналин схлынул, он чувствовал себя выжатым досуха.

— Это был выброс, — глухо сказал он, глядя в пустоту. — Я потерял контроль. Всего на секунду. Она назвала меня трусом...

Его голос дрогнул. Он поднял левую культю, демонстрируя чёрный, маслянистый шрам.

— Оно ответило. Оно всегда отвечает на сильные эмоции. Гнев. Страх. Боль. Оно питается ими.

Ворн сплюнул себе под ноги вязкую слюну цвета ржавчины.

— Проклятье, парень. Если ты будешь взрывать лагерь каждый раз, когда кто-то назовёт тебя плохим словом, мы далеко не уйдём.

— Заткнись, Ворн, — ровным голосом сказала Лис. — Это не шутки. То, что сидит в нём... оно растёт. Каждый бой, каждая казнь кормит эту тварь. Сегодня она проснулась.

Эйнар наконец посмотрел на них. В его глазах не было вызова, только бесконечная усталость.

— Тогда научите меня, как её убить, — тихо произнёс он. — Потому что если я стану тем, кого мы поклялись уничтожить... лучше пусть Корвус выйдет из клетки и сам перережет мне глотку.

2. Сцена 2: Разговор у костра (Вечер того же дня)

Вечером того же дня Эйнар сидел один у небольшого костра на окраине лагеря. Он завернулся в шерстяное одеяло, но холод шёл изнутри, и никакое тепло не могло его согреть. К нему подседа Лис. Она двигалась бесшумно, как всегда.

— Ты сегодня спас нас, — нарушила она молчание.

— Спас? — горько усмехнулся Эйнар. В его голосе не было ни капли веселья. — Я убил пятерых наших своими руками в том ущелье. Своей тьмой. Я не контролирую её, Лис. Она контролирует меня.

— Ты не оружие, — возразила Лис, глядя в огонь маленького костерка. Её единственный глаз отражал пляшущие языки пламени. — Ты человек, которому приходится носить очень острые перчатки. Проблема не в том, что ты используешь силу. Проблема в том, *как* ты её используешь.

— Для мёртвых разницы нет, — отрезал Эйнар. Его взгляд был устремлён в пустоту за костром. — Они лежат в земле одинаково.

Он помолчал, потом добавил тише:

— Ирис ушла от меня. По-настоящему. Я видел это в её глазах.

Лис пожала плечами:

— Она лекарь. Её задача — спасать жизни. А ты сегодня показал ей, что можешь их отнять одним движением пальца. Ей нужно время, чтобы понять: иногда, чтобы спасти тысячу, нужно быть готовым пожертвовать одной частью своей души.

Эйнар ничего не ответил. Он понимал правоту Лис умом, но легче от этого не становилось. Внутри него зияла пустота, и скверна казалась единственным способом эту пустоту заполнить.

3. Сцена 3: Испытание и получение способностей (Следующее утро)

На следующее утро Эйнар собрал военный совет прямо у кузницы Тоомаса.

— Вчера мы столкнулись с врагом, которого нельзя убить мечом, — начал он без предисловий, чертя острием кинжала схему на песке (схема ущелья). — Их магия работает на принципах отражения и преломления. Они создают зоны нестабильной материи.

Он нарисовал прямую линию:

— Они атакуют с высоты. Решение: Лис и Лира остаются нашей главной ударной силой для устранения носителей магии до того, как они сплетут заклятие.

Затем он начертил круг:

— Их атаки имеют физический вектор (сферы, лучи). Это значит, что их можно отразить или отклонить! Кузнецы должны успеть до вечера сделать экспериментальные образцы щитов.

К полудню четыре прототипа были готовы: два больших ростовых и два малых круглых щита из полированной стали с инкрустированной мозаикой из осколков чёрного и прозрачного стекла.

Испытание состоялось тут же.

— Готов? — спросил Эйнар у воина-волонтёра со щитом.

Воин кивнул, судорожно сжимая рукоять и бледнея на глазах.

Эйнар сконцентрировался. Это было сложнее, чем просто выпустить волну разрушения. Ему нужно было удержать силу в узде, сформировать плотный поток. Между пальцами его правой руки сформировалась маленькая сфера абсолютной тьмы размером с яблоко.

— Давай! — крикнул он и выпустил заряд.

Сфера тьмы ударила в центр малого щита со звуком лопнувшего хрустального бокала. Вспышка была ослепительной даже при дневном свете.

Когда дым рассеялся, воин стоял на ногах. Он был бледен как полотно, и его трясло крупной дрожью, но он был жив. Щит дымился: центр щита почернел и оплавился до бесформенной массы, стеклянная мозаика раскрошилась в пыль... но края остались целы!

— Работает... — выдохнул воин, опуская щит дрожащими руками. — Чувствую себя так, будто лошадь лягнула в грудь... но... работает!

Эйнар позволил себе лёгкую улыбку — впервые за долгое время.

— Отлично! Делайте ещё столько же до рассвета! Завтра мы пойдём в гости к нашим друзьям-чародеям!

****Результат для отряда:****

*** **Новое снаряжение:**** «Зеркальный щит» (экспериментальный). Свойство: при блокировании магической атаки осколки стекла поглощают часть энергии удара (шанс частичного сопротивления магии).

*** **Новое умение для ветеранов:**** «Рассеивание чар» (пассивный навык). При использовании специального щита шанс полностью заблокировать магическую атаку увеличивается на 20%.

*** **Новое умение для Эйнара:**** «Копьё Пустоты». Более точный и дальнобойный вариант базовой атаки скверной (урон по одиночной цели).

*** **Опыт:**** Весь отряд получает значительное количество боевого опыта за разработку новой тактики и успешное испытание снаряжения против нового типа угрозы.

4. Сцена 4: Засада в Ущелье Отражённого Света (Полдень)

Отряд двигался по узкому ущелью колонной по двое в ряд (Эйнар настоял на плотном строю). Внезапно атака началась беззвучно.

Сверху не полетели стрелы или копья. Просто одна из теней на стене ущелья отделилась от камня и приобрела объём. Фигура в тёмной мантии соткалась прямо из горячего воздуха на высоте десяти метров над землёй.

Мгновение спустя вниз полетели сферы концентрированного света. Они двигались хаотично, рикошета от стен ущелья как бильярдные шары безумца.

* Первая сфера ударила в землю перед авангардом: почва превратилась в гладкое зеркало и тут же рассыпалась стеклянным крошечком.

* Вторая сфера пролетела над головой отряда: сухая трава на склоне мгновенно иссохла до серого пепла.

Ветераны инстинктивно сомкнули ряды со щитами над головами («черепашка»).

* Третья сфера угодила точно в центр построения: пространство внутри «черепахи» искажилось. Воины закричали от ощущения выворачивающихся внутренностей; один новобранец рухнул ничком с кровавой рвотой.

Эйнар почувствовал отклик скверны внутри себя — родственная сила отзывалась на зов чужой магии зеркал.

— Лис! Лира! Наверх! Найдите источник! Их нужно сбросить! — крикнул он.

Разведчицы кивнули и начали стремительный подъём по отвесной стене ущелья в обход зоны поражения.

Тем временем из-за поворота появились новые маги: три... пять... семь фигур парили в воздухе на невидимых платформах.

* Четвёртая сфера ударила в щит ветерана: металл мгновенно потёк как горячий воск! Солдат с воплем отбросил щит и упал на колени от боли в обожжённых руках.

Эйнар понял: стоять на месте — значит умереть.

— Рассредоточиться! Бегите зигзагами! Не давайте им прицелиться! Ворн, левый фланг! Рагнар, правый!

Он выскочил из-под защиты щитов вперёд, петляя как заяц навстречу летящим сферам.

Один из магов заметил одинокую фигуру и направил посох. Ярчайший луч света ударил туда, где долю секунды назад стоял Эйнар (он ушёл перекатом). Земля там превратилась в стекло.

Эйнар остановился, тяжело дыша от бега по пересечённой местности с доспехами Рагнара на плечах. Он был открыт для атаки со всех сторон. Все семь магов направили свои посохи на него одновременно.

Семь лучей смерти сошлись в одной точке прямо над его головой.

Время замедлилось для всех вокруг кроме него самого (эффект боевой концентрации). Он видел каждую частицу света, летящую к нему со скоростью мысли (или чуть медленнее).

И тогда он сделал единственное, что мог сделать лидер: он перестал бежать от ответственности за свой отряд. Он встал прямо во весь рост посреди ущелья и раскинул руки крестом, принимая удар на себя ради тех немногих секунд форы для своих людей.

Столкновение скверны Эйнара и зеркальной магии было подобно рождению сверхновой во вселенском масштабе локального боя (в радиусе 20 метров).

Вспышка белого света выжгла сетчатку у всех выживших свидетелей, навсегда оставив перед глазами тёмное пятно с фиолетовыми краями (эффект «ослепления»). Взрывная волна швырнула воинов «Волков» на камни ущелья с такой силой, что у нескольких треснули рёбра при ударе о скалы или щиты товарищей позади них (получение урона).

Когда зрение вернулось к тем немногим счастливицам, у кого были закрыты глаза или кто смотрел в другую сторону (например, Лис), люди увидели невероятную картину:

Там, где стоял Эйнар, образовался идеальный круг выжженной земли диаметром около двадцати шагов (зона абсолютного урона). Самого командира нигде не было видно... секунду назад он исчез во вспышке света...

Из облака абсолютной тьмы (которое поглотило свет семи лучей), висевшего над местом столкновения двух противоположных сил, шагнула фигура Эйнара Пустого.

Его левая культя истекала чёрным дымом скверны так густо, что казалось, из неё сочится сама первозданная ночь; дым стекал по доспехам Рагнара на землю и шипел при соприкосно-

вании с камнем, как кислота или расплавленный металл о воду (визуальный эффект). Лицо его было искажено гримасой нечеловеческого напряжения и боли, смешанной с торжеством победителя над стихией; но глаза горели диким огнём чистого безумия воли, способного гнуть реальность под себя (эффект «Берсерк» или «Боевое безумие»).

— Вы думали, ваша игрушечная магия страшнее моей?! — проревел он так громко, что эхо его голоса заставило мелкие камни осыпаться со стен ущелья, а у новобранцев пошла кровь из ушей (эффект оглушения).

Он вскинул правую руку, которая всё ещё пульсировала тьмой после столкновения энергий, но уже была готова к новой атаке более чистой формы, чем раньше, благодаря полученному опыту контроля над даром («Копьё Пустоты»). Из центра его ладони вырвалось не луч света, а копьё абсолютной черноты, настолько плотной, что казалось, оно высасывает краски из окружающего мира, просто пролетая мимо него по воздуху, оставляя за собой след из серой пыли вместо воздуха, которым дышат люди, а не маги, использующие пустоту как топливо для своих заклинаний («Копьё Пустоты» активировано).

Копьё тьмы врезалось в платформу ближайшего мага, разрушая поддерживающее заклинание опоры. Чародей с коротким вскриком полетел вниз, разбиваясь о камни внизу насмерть (первый убитый враг).

Это стало сигналом для Лис и Лиры, которые наконец достигли своей цели, обойдя зону поражения сверху по скалам, используя трещины как ступени лестницы, созданной самой природой гор Ущелья Чёрного Ворона, куда они сейчас направлялись согласно карте, найденной вчера у одного из убитых чародеев («Алтарь Истинного Зеркала» близко). Две маленькие юркие тени обрушились на оставшихся магов сверху, лишая их преимущества высоты, которое они использовали, чтобы безнаказанно убивать людей внизу («Тактическое превосходство» потеряно врагом).

Зазвенела сталь о стекло, когда ножи разведчиц встретились с посохами из чёрного обсидиана, которые оказались абсолютно бесполезными против ближнего боя с двумя разъярёнными фуриями, чьё единственное желание было выжить самим и дать выжить своим братьям по оружию внизу, которых они поклялись защищать ценой собственной жизни, если потребуется. Таков закон Стаи Волков, который гласит: мы держимся вместе или падаем порознь, третьего не дано. Поэтому Лис перерезала горло одному чародею точным ударом ножа, а Лира вонзила кинжал в глазницу другого, пока третий пытался сплести новое заклинание, но не успел, потому что время жизни чародея измерялось теперь секундами, а не минутами, пока эти фурии были рядом. Поэтому они убили их быстро, эффективно, без лишних движений, красивых пируэтов или пафосных речей — просто работа, которую нужно сделать, чтобы выжить самим («Убийство носителей магии» выполнено).

Оставшиеся маги, потеряв половину состава за считанные секунды, а также столкнувшись с необъяснимой силой Эйнара, который только что уничтожил их главное заклинание одним ударом своей воли, приняли единственно верное решение, которое мог принять разумный человек, а не фанатик, желающий умереть за идею воскрешения Корвуса через зеркала. Поэтому они прекратили атаку, развернулись, отступая, взлетая вверх по скалам, используя остатки своей магии левитации, чтобы скрыться в лабиринте горных троп, оставив поле боя за отрядом Волков, которые доказали сегодня, что их стальная воля крепче, чем хрупкое стекло вражеских заклинаний («Враг отступил»).

Битва закончилась так же внезапно, как и началась, оставив после себя звенящую тишину, нарушаемую лишь стоном раненых, тяжёлым дыханием выживших да треском догорающих остатков растительности, которую подожгла магия сфер света при попадании по склонам ущелья («Поле битвы»).

Ущелье выглядело так, будто по нему прошёлся гигантский ребёнок-вандал, оставивший после себя сюрреалистичный пейзаж, где участки земли превратились либо в идеальную гладь зеркального стекла, либо спеклись в вулканическое чёрное стекло, а трава, редкие кустарники превратились в серый прах, который тут же развеял холодный горный ветер, пахнувший озоном, палёной плотью и горелым камнем («Урон окружению»).

Потери были небольшими, но шокирующими: пятеро убиты на месте разрывом пространства внутри «черепахи», когда их тела просто перестали существовать, превратившись в ничто; ещё трое получили жуткие ожоги от плавающих доспехов, которые прожгли кожу до мяса. Но Ирис уже металась от одного раненого к другому, её лицо было белым от напряжения, усталости, но главным образом — от ярости, которая придавала ей сил, чтобы спасти тех, кого ещё можно спасти. Хотя взгляд, который она бросила на Эйнара, когда проходила мимо него, сидящего на валуне, был ледяным, способным заморозить даже лаву вулкана, если бы та текла мимо неё сейчас («Работа целителя»).

Эйнар сидел, привалившись спиной к тёплой скале. Он был истощён физически, морально — бой выпил из него все соки, оставив лишь пустую оболочку человека. Чёрная дымка скверны перестала сочиться из шрама, оставив лишь грязные разводы на коже доспеха Рагнара, который он так и не снял со вчерашнего штурма цитадели Корвуса. Он чувствовал себя пустым сосудом, разбитой чашей, из которой вытекло всё содержимое, включая надежду («Истощение лидера»).

К нему подошла Лис. Она была покрыта серой пылью, каменной крошкой, а на щеке алел длинный порез, оставленный осколком стекла, но единственный глаз блеснул азартом охоты хищника, который только что завалил добычу крупнее себя, поэтому она была довольна результатом, несмотря на раны, полученные в бою («Состояние разведчика»).

— Они бежали, трусливые крысы, но они оставили следы, — сказала она, вытирая нож о штанину своей походной одежды, чтобы убрать кровь врага с лезвия, потому что кровь имеет свойство портить металл, вызывая коррозию, а хорошее оружие должно быть чистым, всегда готовым к новому бою. Это закон войны, который нельзя нарушать, если хочешь выжить завтра утром, когда солнце снова взойдёт над этим проклятым миром. Поэтому она была методична даже сейчас, когда адреналин битвы ещё кипел в её венах, требуя выхода через движение или слова, но она контролировала себя, потому что была профессионалом, а не дилетантом, который машет мечом бездумно, крича боевые кличи. Поэтому она показала ему трофеи, добытые честным трудом, рискуя жизнью, пока он тут отдыхал после своего подвига спасения отряда своим телом, приняв удар на себя. Поэтому она заслужила право говорить то, что скажет дальше, без пререканий со стороны командира, который должен быть благодарен ей за это спасение жизни ценой жизни других врагов, которых она убила, пока он лежал без сил («Добыча»).

Она достала из поясной сумки небольшой осколок стекла. Этот был крупнее тех, что находили раньше, а внутри него, казалось, кружилась маленькая галактика, состоящая из разноцветных искр, которые медленно перемещались внутри прозрачной массы, создавая иллюзию движения звёзд, хотя это было всего лишь отражение света горящего вокруг костра или солнца, которое пыталось пробиться сквозь свинцовые тучи над головой. Поэтому этот осколок выглядел живым, тёплым. Он был похож на сердце, только не человека, а какого-то древнего существа, заключённого в тюрьму из прозрачного минерала. Поэтому, когда Лис сжала его слишком крепко, тот обжёг ей ладонь, заставив выругаться сквозь зубы, потому что живая

магия зеркал не любила, когда её трогали грязными руками простых смертных. Она жгла их, напоминая о своём высоком происхождении от магии самого Эрика, которого считали мёртвым, но который, судя по всему, был жив, иначе откуда бы взялась этой армии новых чародеев, использующих силу зеркал вместо традиционной магии стихий или скверны, которой пользовался Эйнар («Осколок Живого Зеркала»).

— И вот это, — добавила она, доставая из сумки свиток из тонкой кожи, который был туго скручен, перевязан кожаным шнурком, чтобы внутрь не попала вода или пыль, которые могли бы повредить чернила или сам материал карты, потому что хорошая карта — это жизнь отряда в незнакомой местности. Без неё можно блуждать неделями, пока не умрёшь от голода или жажды или пока тебя не найдут враги, которые будут рады такому подарку судьбы. Поэтому карта была ценнее золота, которое они нашли недавно в подвале крепости Эрика. Поэтому она протянула свиток командиру с должным почтением, хотя её единственный глаз оставался холодным, оценивающим ситуацию вокруг, а не только то, что находилось у неё под носом («Карта Алтаря»).

Эйнар принял карту. Его пальцы дрожали от слабости после выброса энергии, но воля была крепче стали, поэтому он заставил себя развернуть свиток. Карта была начерчена твёрдой рукой опытного картографа. Красная линия вилась через горы, отмечая безопасный путь или путь, который считался безопасным теми, кто создал эту карту, заканчиваясь точкой в самом сердце хребта недалеко от входа на Последний перевал — место, где, согласно легендам, находилась последняя цитадель Корвуса, место, где всё должно было закончиться так или иначе («Анализ данных»).

— Они собирают армию отражений, — прохрипел он, возвращая свиток Лис, потому что держать руки поднятыми было тяжело. Доспех Рагнара давил на плечи свинцовой тяжестью, хотя весил не больше обычного стального панциря. Просто усталость делала его тяжелее горы Эверест, которую никто, конечно, тут не видел, но все понимали, о чём речь, когда говорили о чём-то невероятно тяжёлом, неподъёмном для простого человека («Гипотеза врага»).

— Но зачем? Корвус мёртв или нет?

— Живой труп в клетке нам не угроза, — фыркнул Ворн, подходя к ним. Он поддерживал хромающего Рагнара, чья левая рука висела плетью. Скверна поднималась выше локтя, выше плеча, к шее. Скоро она дойдёт до сердца. Скоро он забудет своё имя. Скоро он станет пустотой. Но сейчас он был здесь. Он должен был быть здесь, чтобы поддержать брата морально, показать стае, что старые волки едины, что закон волчьей стаи нерушим, что этот суд — необходимость, продиктованная выживанием. Рагнар смотрел на толпу новобранцев, смотрел им в глаза, смотрел так, как смотрит матёрый волк на молодняк: оценивающе, холодно, безжалостно. Многие отводили взгляд, многие опускали головы, многие понимали этот урок. Они запомнят надолго, если вообще переживут сегодняшний день. Физически — может быть, но морально они уже сломлены. Они увидели истинное лицо своего нового командира, истинное лицо войны, которая требует жертв, которая питается страхом, которая строится на дисциплине, более твёрдой, чем камень гор. Увидели и запомнили («Состояние Рагнара»).

— Сталь бесполезна, — согласился Эйнар, сворачивая карту. Его пальцы больше не дрожали, потому что решение было принято, а нерешительность забирает больше сил, чем самое яростное сражение. — Сталь — это всё, что у нас есть. Нам придётся стать умнее, быстрее. И научиться воевать с самой реальностью.

Он встал, пошатываясь. Колонна снова пришла в движение. Нужно было уходить из этой ловушки, пока оставшиеся маги не привели подкрепление, потому что второй раз такой фокус с принятием удара на себя может закончиться для него потерей контроля над скверной навсе-

гда, а тогда Ирис точно никогда его не простит, да и сам он себя возненавидит ещё больше, чем сейчас («Решение принято»).

5. Сцена 5: Эпилог

Ночь наступила стремительно, принеся с собой пронизывающий холод гор. Отряд устроил привал в широкой седловине между двумя вершинами. Костры разжигать запретили — слишком велик риск выдать себя врагу, который наверняка шёл по их следу. Люди грелись, прижавшись друг к другу, кутаясь в трофейные плащи, пахнувшие чужой смертью, потом и страхом. Эйнар сидел отдельно от всех, завернувшись в шерстяное одеяло, которое почти не грело, потому что холод шёл изнутри, от той пустоты, где раньше билось сердце, которое он оставил там, у трона призраков.

Рядом с ним, сохраняя дистанцию, села Лис. Она протянула ему флягу с водой, нарушая своё обычное молчание, которое было её второй кожей, такой же надёжной, как броня Рагнара, которую носил командир («Привал»).

— Ты сегодня спас нас, — нарушила она тишину. Её голос был тихим, но отчётливым. — Показал им, что бывает, когда связываешься с Пустым противником, которого нельзя убить обычным железом, потому что железо лишь проходит сквозь пустоту, не оставляя следа, как стрела пролетает сквозь туман, не имея цели, просто исчезая с другой стороны облака. Поэтому они испугались тебя больше, чем самих себя. Ведь они поняли, что их магия зеркала, которая казалась им абсолютным оружием, имеет равного противника, который играет по тем же правилам, только использует другую сторону монеты: тьму вместо света, пустоту вместо отражения, хаос вместо порядка. Поэтому они бежали, спасая свои шкуры, а не свои идеалы, потому что идеалы не защищают от копья тьмы, летящего прямо в сердце («Оценка действий»).

— Спас? — горько усмехнулся Эйнар, делая глоток воды, которая показалась ему безвкусной, как пыль. — У меня во рту привкус пепла. Я убил пятерых наших своими руками. Своей тьмой. Я не контролирую её, Лис. Она контролирует меня. Я становлюсь оружием, которое рано или поздно выстрелит в своих. Я чувствую это каждый раз, когда использую дар. Это как чесотка под кожей, которая становится всё сильнее, зудит, требует выхода, и однажды я просто не смогу сдержаться, сорвусь как пёс с цепи, и тогда вы все пожалеете, что пошли за мной. Тогда даже Ирис будет смотреть на меня с ужасом, без капли той любви, что ещё тлеет сейчас под слоем льда её обиды («Кризис веры»).

Лис долго молчала, глядя в огонь маленького спрятанного в ямке костерка, чтобы его свет не был виден издалека. Она думала о том, что сказать командиру, который находится на грани нервного срыва. Как поддержать того, кто сам является опорой для всех остальных? Как дать ему точку опоры, когда земля уходит из-под ног у всего мира вокруг них? Она знала ответ, знала его уже давно, но ждала подходящего момента, чтобы сказать эти слова, которые могли либо сломать его окончательно, либо дать ему сил идти дальше, нести эту непосильную ношу лидера Волчьей Стаи. Поэтому она подождала, пока Эйнар допьёт воду, поставит флягу рядом с собой, посмотрит на неё своими глазами цвета зимнего неба, полными такой усталости, какой она никогда раньше не видела даже у умирающих стариков, которым уже всё равно, что будет завтра («Пауза»).

— Ты не оружие, — возразила она наконец, повернув голову от огня и посмотрев прямо ему в душу своим единственным глазом. Пронизывающе, беспощадно. — Ты человек, которому приходится носить очень острые перчатки. Это больно, я знаю. Но ты делаешь то, что должен делать. Проблема не в том, что ты используешь силу. Проблема в том, *как* ты её

используешь. Казнь Кнуда — это была демонстрация власти, демонстрация страха. А сегодняшний бой — это была защита. Защита стаи. Защита тех, кто слабее тебя. Есть разница между жестокостью тирана и суровостью хирурга, который режет по живому, чтобы спасти пациента от гангрены. Ты сегодня был хирургом. Ты вырезал опухоль, которая могла убить весь организм целиком («Мудрость разведчика»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.